

СМЕНА 11

**Патриоты
нашего времени.**

Комсомолец
Николай Серов,
рабочий
Асхат Галимзянов

Завод и детдом.
Письма, идеи

Совесть и деньги

Человек.
Безграничность
возможностей

**Белла
Ахмадулина.**
Новые стихи

Силуэты.
Константин
Батюшков

**Братья
Стругацкие.**
Повесть-сказка

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
ЛЬВА ТОЛСТОГО —
ЗА ЗАСЛУГИ
ПЕРЕД ДЕТСТВОМ**

«Смена» открывает новую рубрику — «Патриоты нашего времени». Спрашивается: а что, разве слово «патриот» — не вневременное понятие? Не будем спорить — патриот всегда, в любые времена патриот. Человек, которому либо свое родное Отечество. Человек, которому небезразлично все, что происходит на родной земле. Тот, кто кровь и жизнь свою готов отдать за Родину. И все же что значит быть патриотом в наши дни? В дни обновления общества? В дни, которые мы называем революционными, ведь нынешняя мирная битва происходит не между «своими» и «чужими», и часто линия фронта пересекает душу одной личности. Такого еще не было. И каждый ищет себя, свое место в новой жизни.

Так вот о патриотизме наших дней. Человек, отдающий жизнь за интересы соседнего народа. И другой человек,

в абсолютно мирных обстоятельствах утверждающий своими делами бескорыстие и высшую человеческую нравственность. Давайте оглянемся вокруг — и проведем красную черту между теми, кто делает дело, негромкое или очень значительное, и теми, кто болтает. В одном, далеко не новом фильме главный герой выстрадал такое: «Говорителей у нас много. Делателей мало». Делатель сегодня очень нужен стране. Человек создающий, утверждающий и есть патриот наших дней, и такого свойства патриотизм — лучший способ приумножить патриотические традиции великого прошлого нашего Отечества. Новую рубрику мы посвящаем 70-летию Октября, и это тоже понятно. Революционные традиции — это не разговоры, а поступки. Дело во имя обновления — это и есть верность революции.

Николай Серов:

ОСТАВЛЯЮ ВАМ РОДИНУ...

ИЗ ДНЕВНИКА КОМСОМОЛЬЦА-ГЕРОЯ

«...Хочу, чтобы мои дети, Павлик и Танюша, знали: я не смогу оставить им ни денег, ни другого добра. Чего нет, того нет! Но я им оставлю Родину. Мечту, за которую надо бороться. Думаю, и они, и жена Галя, любимая, единственная, поймут, что пройденный нами путь чего-то стоит. Да и не было иной дороги для их отца и мужа — рядового революционера...»

Николай Серов писал эти строки уже слабеющей рукой. Ему незачем было лукавить: слишком мало времени оставалось у него до роковой черты. Он знал свой срок. Внезапная болезнь побеждала, однако сердце и душа не сдавались.

Глухую южную ночь прорезывали далекие автоматные очереди. На мгновение он прислушался и снова стал торпливо заполнять последние страницы своего дневника. Сделал пометку: «Опять пальба». Потом дописал: «Прошу передать эту тетрадь семье».

На следующий день ему стало хуже. Вызвали вертолет до Кабула, оттуда решили везти его в Москву.

В столичной клинике он пробыл недолго. Однажды утром оделся и незаметно вышел. Добрался до ЦК ВЛКСМ. — Мне срочно нужно в Чебоксары, — сказал он. — Времени в обрез.

Воздух в родном городе казался ему целебным. Всю ночь проговорил с Галей. Успокаивал. Про диагноз — ни слова. Утром поехал к друзьям на свое прежнее место работы — в Чувашский обком комсомола. Два часа рассказывал об Афганистане. Потом раздал сувениры (уезжая, в спешке не захватил даже самых необходимых вещей, а вот сувениры на память ребятам взять успел). Из обкома — в больницу. Жить ему оставалось сорок восемь часов.

Николай Серов, кадровый комсомольский работник, был направлен в Афганистан по просьбе Центрального Комитета Демократической организации молодежи (ДОМА) этой страны. Юноши и девушки революционной республики нуждались в добром совете и практической помощи. И Николай поехал сражаться за завтрашний день Афганистана.

«3 ноября 1983 г. Первая встреча с афганцами. Говорят о своих трудностях откровенно, честно. Помог набросать конспект первых задач ДОМА.

Участие в защите революции, помощь народной власти в кишлаках, подготовка резерва для партии, работа с учащимися школ и т. д. Прежде всего — единство и дисциплина.

Проблем в молодежном движении множество. Сколько еще людей не разобрались в ситуации!.. Кто-то требует немедленных преобразований, не считаясь ни с внутренней, ни с внешней обстановкой. Кто-то, наоборот, боится любых решительных шагов. Ошибаются и горячие головы, и перестраховщики. Решил проситься куда-нибудь в отдаленную провинцию. Там буду нужнее, чем в столице.

16 ноября. Встретили хорошо. Ребята толковые. Удивляет внутренняя этика этих людей. Ко всему советскому относятся с подчеркнутым уважением. У каждого нелегкая судьба. Чувствую, подружусь с Заммаем. Парень боевой, удалой, все схватывает на лету. Он пушун. Глаза черные, горят и сверкают, сам — как труть.

Или Марьям. С нее хоть повесть пиши о восточной женщине. Ушла из дома от родителей, религиозных фанатиков. Они не знают, где она сейчас. А Марьям второй год заведует женским отделом в райкоме ДОМА. Активистка, преданный боец революции; братья у нее тоже члены партии.

Он вошел в работу без раскачки. Знакомился с людьми, учил язык, постигал обычаи и нравы. Он понимал, что каждый его шаг должен быть взвешен. Кто выиграет сегодня схватку за молодежь, тот и победит завтра. В него должны поверить не только члены ДОМА, но и молодые дехкане, напуганные душманами, ремесленники, торговцы, пытавшиеся спрятаться за ветхими дувалами, остаться в стороне от грозных событий.

«8 декабря. Есть в нашей стране люди, которым не по нраву советская действительность, у кого ненасытные глаза и души. Вот бы их сюда на экскурсию!.. Чтобы поняли, какое счастье — наша Советская Родина, какое счастье — жить, любить, творить на родной земле. Со мной всякое может случиться. Галя, ты верь, я честно исполню свой долг».

Накануне он выезжал в горный кишлак. Возвращался поздно вечером. По дороге машину обстреляли. Утром в пе-

редней дверце автомобиля нашли несколько пулевых отверстий. Метили в то место, где обычно сидел Николай. А он в ту минуту дремал на заднем сиденье...

«Горе постигло семью Юсуфа, секретаря провинциальной организации ДОМА. Бандитской пулей убило сына его старшего брата. Мальчик выбежал на звуки выстрелов, думая, что душманы напали на отца, безоружный полез в самое пекло...»

Для меня эта командировка — проверка и себя, и своего поколения. Готовы ли мы выполнить задание Родины, отдать за нее жизнь? С трибуны-то легко такие слова говорить...

30 декабря. Уходит год. Что он мне дал? А я ему? Мне: интересную работу, чувство необходимости людям, массу впечатлений, долгую разлуку. Я? Пожалуй, ничего особенного.

Вчера праздновали очередную годовщину Народно-демократической партии Афганистана. Зал кинотеатра был заполнен до отказа. Я выступал, и вдруг — выстрел. Даже не вздрогнул. Произнес на местном диалекте: «Собака лает, караван идет». Гром аплодисментов...»

«5 января открыли клуб для молодежи. Организовали кружки и спортивные секции. Если мерить по нашим меркам — событие заурядное. А здесь, где, кроме мечети, юности и девушки ничего не знали, это настоящая победа. Если бы все афганцы знали и поняли, чего добивается народная власть, давно бы перестала литься кровь на этой земле.

5 апреля. Три месяца не открывал дневник: был перегружен делами.

Вспоминаю встречу с Эльбишем, личностью незаурядной и колоритной. Крупный, мощный, властное лицо, бритая голова, покрытая папахой из каракуля, поверх национального костюма — пиджак английского покроя. Он был богатым феодалом, но после Апрельской революции встал на сторону республики, отдал свою землю беднякам. Однако его отца репрессировал Амин. Тогда Эльбиш с верными ему людьми ушел в горы. Говорит, воевал не против народа, а против Амина. Когда того свергли, Эльбиш вновь согласился сотрудничать с народной властью. У него два сына, один без руки,

другой без ноги: были тяжело ранены недавно, защищая революцию. Все-таки удивительно, какие перевороты происходят в сознании людей!..

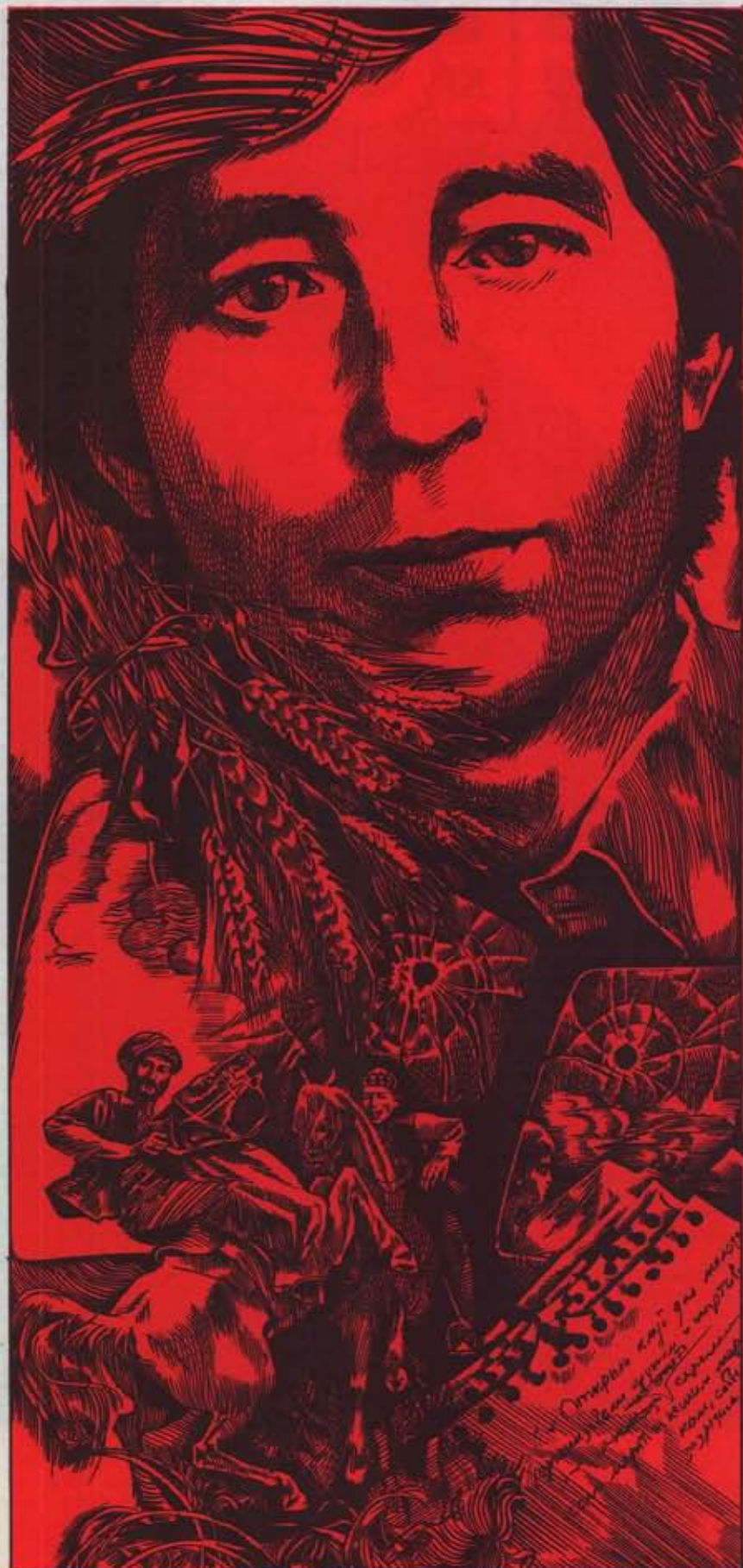
Недавно произошел интересный эпизод. Члены ДОМА давали в местном кинотеатре самодеятельный спектакль. И вдруг душманы открыли минометный огонь. Мина через окно влетела в здание, и осколок ее попал в плечо одного из артистов... Однако пьеса была доиграна до конца, никто не покинул зал. В казну политкомитета было собрано десять тысяч афгани. Этот бой за души людей был выигран!

14 апреля. Провели пленум с повесткой дня «Насущные задачи молодежи по защите революции». Активисты прибыли со всех провинций. А ведь еще два дня назад даже мы с Юсуфом не знали, удастся ли собрать людей. Душманы вновь подняли головы. Но им не победить! Сложился в нашей организации костяк, который уже ничем не запугать.

А что наши враги? Раньше я считал их главарей темными головорезами. Да, они головорезы, но далеко не темные. В самой верхушке есть крупные торговцы, промышленники, даже профессора исламских университетов. Их много, и они никак не могут поделить власть. Те, что помельче, тоже грызутся — то за родник, то за речку, то за выпас. Бьются, воруют, грабят. Друг у друга даже людей в плен берут, чтобы выдать потом за деньги. Бывает и так, что более богатый нанимает себе бандитов у другого главара. Но рядовые душманы — это в основном обманутые или силой завербованные люди».

Науку классовой борьбы Николай Серов постигал не по учебникам. Республика крепла в боях, и он всеми силами ей помогал. Помог провести молодежный субботник: ремонтировали дороги, чистили арыки, привели в порядок оскверненную душманами мечеть. Организовали сбор денег для голодающих детей — и это вклад в революционное дело. Народ верит не словам — делам. А реальных дел на счету новых друзей Николая — афганских комсомольцев — становилось все больше и больше.

«20 апреля. Провели День дехкана. Он празднуется как начало весенне-полевых работ. Народу собралось

тысяч десять. Детей было — тьма! Девочка лет шести во время самой горячей спортивной схватки бужкашей (всадников) села посередине поля, достала тетрадь, ручку и стала что-то писать или рисовать. Вдохновение, наверное, пришло. Пионеры в форме, с лозунгами и знаменами промаршировали строем. А ведь здесь за красный галстук могут убить. Смелость надо иметь в душе и веру в сердце, чтобы вот так пройти. Думаю, не каждый взрослый-то решился бы, даже и из моих знакомых».

Непросто далось проведение Дня дехканаина. При огромном скоплении народа можно было ожидать любую провокацию. С утра со стороны близлежащих гор стреляли душманы — хотели сорвать праздник. Но на открытое столкновение бандиты не решились.

Бывало ли страшно Серову? Наверно, нельзя назвать страхом чувство осознанной опасности. Он шел навстречу возможной беде с открытыми глазами. Старался чаще бывать в отдаленных кишлаках, встречаться с людьми.

Галя, жена Николая, пыталась отговорить его от небезопасной командировки в Афганистан, дома оставались двое маленьких детей. «Если я не поеду, — отвечал он, — другой не поедет, то кто же тогда?».

«30 апреля. Наша организация проводит чистку своих рядов. Всех записанных в ДОМА лишь для цифры снимаем с учета. Революция от этого не пострадает. Впервые проходят отчетные собрания, это настоящий смотр сил демократической молодежи провинции.

Ездил на встречу с учащимися лицей, слушали меня с интересом. Здание больше походит на осажденную крепость, чем на учебное заведение: стекла выбиты, у оконных проемов лежат мешки с песком. Нужны, очень нужны грамотные люди этой стране. Раньше школы здесь посещала лишь десятая часть детей.

9 мая. Враги хотели нам праздник испортить, да ничего не вышло. Перед самым митингом вывели из строя линию электропередачи. Пришлось выступать в темноте без микрофона, лишь за спиной две лампы горели. Прекрасная мишень! Однако обошлось без происшествий.

10 мая. Провели отчетное собрание городского актива. Было около восьмисот человек. Все как надо. Доклад хороший, обстоятельный. Выступали в прениях активно. Особенно смело говорила одна девушка, секретарь первичной организации домохозяек. Жаль, ребята «Интернационал» петь не умеют, но я их научу. Какие же революционеры без «Интернационала»?.

Сегодня открыли молодежную комнату в школе. Здесь учатся 54 члена ДОМА, 700 пионеров и октябрят. Их зовут тут «звездочки». Обещал им помочь наладить переписку с советскими пионерами. Вечером болеть продолжал, но пошел на молодежный фестиваль нашей провинции. Сегодня в городе подорвалась на mine машина царандоя (народной милиции).

Революция может победить, только завоевав доверие масс. Люди сейчас за пустым словом не пойдут. Им нужны доказательства. У душманов же аргументы: пуля, кровь. На днях афганское подразделение захватило машину с вооружением для бандитов. Впереди

стана никогда не слышал. Типичный душман, обманутый своими главарями...»

Вот так до последних сил Серов продолжал работать. Только дневнику он доверял свои страдания и болезни, то-ску по семье. До последних дней прежде всего думал о других, потом уж о себе. Слал домой и друзьям бодрые письма.

И в больничной палате он вел себя мужественно. Шутил, улыбался бескровными губами, убеждал врачей, что верит в выздоровление. В последнюю ночь попросил родниковой воды. Хотел успокоить невыносимый жар чистой прохладой родной земли. Метался в бреду, мешая русские и афганские слова...

Люди уходят по-разному. После одних остается тире между двумя датами, после других — память, как факел. Николай Серов оставил свое имя пионерской дружке в родной школе Аликовского района, студенческому стройотряду. А еще он оставил свое дело в верных руках.

Сама жизнь пишет продолжение дневника Николая. После его смерти близкий друг и земляк Серова Николай Михайлов (тоже уроженец Аликовского района Чувашии, секретарь Чебоксарского горкома ВЛКСМ) попросил направить его в Афганистан. А вскоре после отъезда от Михайлова пришло письмо. «Работаю в том же городе, где был Коля Серов, — писал он. — Живу в том же доме, сплю на его кровати. Здесь о нем вспоминают очень тепло. Ребята говорят, он многому их научил. Значит, мне легче придется.

Мы действуем. Открыли детский дом, скоро школу достроим. Революция продолжается, революция победит».

О горячих точках планеты можно узнавать из газет, из телевизионных передач. Глядя на экран — переживать, восхищаться кем-то, жалеть кого-то. Умирать от жажды в уютной комнате, когда от зноя трескается земля — на экране и в любой момент можно пойти на кухню и попить воды.

Можно говорить правильные слова о дружбе, интернациональном долге, зажигать этими горячими словами других, но самому оставаться в стороне. Пусть — кто-то. Пусть — другие. Ведь там, в Афганистане, опасно, там даже можно погибнуть. В мирное-то время.

Да, можно и погибнуть. Ради того, чтобы сделать наше время по-настоящему мирным.

Николай Серов и его товарищи высоких слов этих не говорили. Они действовали. И действуют.

Как пришла мысль поехать в Афганистан Николаю Серову, а вслед за ним Николаю Михайлову? Как становятся добровольцами? Живут, работают и вдруг в какой-то момент понимают, что их место там. Где опасно, где свистят пули, но где они очень нужны. Именно они. И за них решать не имеет права никто. Только сами. По велению совести.

Так было в тридцать шестом, когда наши добровольцы ехали в Испанию. Так происходит сейчас, когда советские парни плечом к плечу с афганцами защищают Апрельскую революцию. Наверно, этим и отличаются советские люди — обостренной способностью чувствовать чужую боль, состраданием, милосердием. Готовностью прийти на помощь. Не жалеть себя.

мешки с песком. Нужны, очень нужны | рещад. Глядя на экран — переживать,

Игорь Александрович

ПОДВИЖНИЧЕСТВО

Асхата Галимзянова

Диас ВАЛЕЕВ.

Фото Евгения СТЕЦКО

Читателям «Смены» хорошо знаком живущий в Казани возчик одного из магазинов Бауманского райпищеторга Асхат Галимзянович Галимзянов.

Ему сорок девять лет, из них три года он работал милиционером, двенадцать лет — шофером, пять — слесарем, а последние годы — возчиком с зарплатой 110 рублей. Его часто можно видеть на улицах Казани идущим рядом с жеребцом Орликом. Семнадцать лет этот человек по мере сил и возможностей активно помогает детским домам страны. Силы у него есть и материальные возможности тоже. Причем год от года масштаб помощи увеличивается. Только за последние семь лет он перевел, например, на счет Ивановской интернациональной школы-интерната имени Стасовой около четырех тысяч рублей, а Дому ребенка № 1 в Казани оказал помощь в различных формах на сумму свыше сорока тысяч рублей. Крупные

суммы денег он переводил в Фонд мира, а после трагедии в Чернобыле от него поступило на счет № 904 десять тысяч рублей.

Откуда такие деньги у простого возчика с маленькой зарплатой? Механика здесь простая. На основе семейного подряда Асхат Галимзянов берет по договору бычков в хозяйствах республики, откармливает их в течение нескольких месяцев и сдает затем по государственному закупочным ценам. Стоимость молодняка, кормов вычитается при окончательном расчете; на счете Галимзянова остаются солидные суммы, и тогда он пишет заявление о переводе этих сумм на счета детских учреждений. Чаще всего тех огромных денег, которые заработаны тяжелейшим многомесячным трудом, он и не видит. Подпись, распоряжение — и деньги уходят в помощь детям-сиротам или по адресу человеческой беды. После публикации очерков о Галим-

зянове в «Смену» буквально хлынул поток писем.

«Конечно, эта история необычна. Все мы стараемся что-то сделать в основном для своего дома и семьи. Этот же человек — особой души, фанатик альтруизма, действительно человек новой эры, новых побуждений и великой доброты. Как бы хотелось посмотреть на него, увидеть его лицо» (К. Мишукова, Ноябрьск Тюменской области).

Эта публикация — ответ на просьбу не только К. Мишуковой, но и многих других читателей «Смены». Почти в каждом письме — а отклики продолжают поступать — содержится вопрос, как сейчас обстоят дела у Галимзянова, не сломали ли его духа, остается ли он верен своей идее активного добра?

23 февраля нынешнего года в Казани произошло событие, я думаю, неординарное — на территории Дома ребенка № 1 был открыт памятник, созданный на средства Асхата Галимзянова.

В самом деле, ситуация невиданная: простой возчик заказывает скульпторам монумент и дарит его городу, республике, детям. Автор монумента Виктор Рогожин и сам Асхат Галимзянов осторожно освободили памятник от закрывавшего его полотнища, и глазам сотен людей, пришедших на церемонию открытия, предстала большая десятифигурная композиция «Сказка» — женщина-воспитательница в окружении детей, персонажей сказок и животных.

Признаюсь читателям «Смены» — минута открытия памятника была минутой и моей радости. Два года назад я познакомил Асхата Галимзянова со скульпторами Радой Нигматуллиной и Виктором Рогожиным, которые и взялись за осуществление трудного замысла. И вот работа завершена. Буквально накануне, выступая в одной из передач татарского телевидения, я пригласил жителей Казани прийти на открытие необычного монумента, и было радо-

О такой прогулке с дядей Асхатом в Доме ребенка мечтает каждый.

Асхат Галимзянов: «Отдавать людям — вот в чем счастье».

стно, что казанцы откликнулись на приглашение. Добро все-таки заразительно, мы истосковались по добру в атмосфере рвачества, безразличия, равнодушия, воцарившейся было в нашем обществе в минувшие годы, и духовный посыл Галимзянова, отвергнувшего границу между «моим» и «общим», пробуждал в душе каждого лучшие начала.

Приятно было видеть среди выступавших на митинге представителей Министерства здравоохранения республики, райисполкома, райкома комсомола. Ведь до этой минуты все долгие годы подвижнической деятельности Асхата Галимзянова официальные лица добрых слов в его адрес не произносили. Санэпидстанция, пожарная служба, управление главного архитектора горисполкома донимали его беспрестанно. Почему-то всех раздражало подсобное хозяйство, которое организовал Асхат в тупичке одной из самых неказистых

городских улиц, на месте бывшей свалки. Эту свалку разрешил занять ему Бауманский райисполком Казани — мусора было с двухэтажный дом, — но когда Галимзянов основал здесь «ферму», райисполком оказался в числе его противников.

Галимзянов перечислял крупные суммы денег на счета детских учреждений страны, а казанский уголовный розыск и ОБХСС проверяли и проверяли его на предмет «обоснованности» деятельности. Фантастично, непостижимо, но фактическая сторона преследований и гонений, которым подвергался Асхат Галимзянов за свою благородную деятельность, зафиксирована в десятках протоколов, докладных и справок, подшитых в толстом томе с красноречивой надписью — «Дело № 2891. Галимзянов». Дело это и поныне хранится в одном из учреждений Казани, теперь, я думаю, уже как памятник человеческой глупости.

Об этих драматических и трагикомических обстоятельствах, предшествующих мигу победы, не следует забывать. Они много крови попортили нашему герою. И об этом я напомнил собравшимся, выступая на открытии памятника. Ведь, по существу, именно публикации «Смены», мощная поддержка, какую оказали Асхату Галимзяновичу сотни читателей журнала, их гневные письма («Смена» № 16 за 1985 г.) спасли «предприятие» Галимзянова от бульдозера. Тогда ведь еще не был опубликован Закон об индивидуальной трудовой деятельности, еще не вступили в силу его идеи и положения. Отбиваться приходилось, сообразуясь с велениями совести, а не со статьями закона.

Но не будем злопамятными. Тем более что сам Галимзянов не принадлежит к их числу.

Прошла неделя со дня открытия памятника, и я снова в хозяйстве Асха-

та. Сидим в его доме-кормокухне. Рядом, отгороженные кроватью, два бычка. Болеют, требуется им домашнее тепло. На другой кровати, положив морду на подушку, лежит старая овчарка, давний член семьи Галимзяновых. Четырнадцать лет собаке, пришла последняя пора, и Асхат заботливо кормит ее, держа миску у морды. Вечер, лошади Орлик и Васька — одна Асхата, другая его младшего брата Талгата, который тоже работает возчиком, — еще стоят во дворе нераспряженными. Здесь же носится жеребенок Буян. В загоне — сорок бычков. Тут же собаки, кошки, бродят куры. Большое население в семье Галимзяновых. И всех надо накормить, напоить.

Сыну Асхата Галимзянова Радику, первому его помощнику, двадцать пять лет. Работал на тепловозе, но попал в аварию, сотрясение мозга, и врачи запретили ему работать по специальности. Теперь грузчик на хлебозаводе.

учится на сварщика в трамвайно-троллейбусном управлении, а все свободное время на «ферме». Убежденный сторонник отца, его последователь.

— Надо создать в городе одно большое подсобное хозяйство, которое бы целиком обеспечивало детские дома, детские сады картошкой, мясом. А то привозят ведь детям залежалое! Как это сделать? Подчинить хозяйство Министерству здравоохранения, а не Министерству сельского хозяйства. Развернуться хочется. Мы же пока во всем зависимы. А нужны свои фураж, машины, чтобы не бегать по каждому пустяку. Надо получить полтонны барды — бегаешь за ней целый день, высунув язык. Устаешь не от работы. От глупости. Отдавать людям мы могли бы и больше...

— А не жалко все время отдавать?

— А мы привыкли уже отдавать. У нас как бы обязанность появилась, долг лежит на душе — отдавать.

— Но ведь часто даже благодарности в ответ не услышишь. Как соседи относятся к вам?

— По-разному. Большинство до сих пор не может поверить, что никаких денег мы себе не оставляем. Подозрева-

ют, будто мы хитрим. Нормальный человек, мол, не может отдавать. Нормальный человек устроен, мол, так, что должен только брать.

— Ну, а что ты отвечаешь? Споришь?

— Нет, зачем? Мы же никому свой образ жизни не навязываем. Они живут по-своему, мы — по-своему.

Разговариваю с Лялей, дочерью Асхата. Двадцать лет, оператор на швейной фабрике № 5. Тоже убежденная последовательница отца. И помощница во всем.

— Чем я занимаюсь дома? — улыбается. — Собаками занимаюсь, попугаев, канареек кормлю, домашних голубей. Клетки их чищу. Маленький жеребенок тоже на мне. Но главное — мама. Она ведь у нас инвалид первой группы вот уже семнадцать лет, а квартира у нас без всяких удобств. Дел дома хватает. Накормить мужчин надо, обстирать их. Работа у них грязная.

В последний год в доме Асхата Галимзянова живет его младший брат Талгат. Так уж случилось — не задалась у него семейная жизнь. Сорок пять лет Талгату, он возчик в пятом роддоме. Как и все из рода Галимзяно-

вых, человек работающий, надежный. Спрашиваю его о дальнейших планах.

— Дальше? Побольше бы быков надо держать! Да негде здесь — тесно, задыхаемся, участок маленький... Хочу брату совет дать: надо всем детям в первом детдоме заказать через казанский мехкомбинат шубы. Сразу большую партию на весь Дом ребенка. И с запасом. Теплые шубы из натурального меха! А то для заграницы шьют, а для наших детей не шьют.

— Это во сколько ж рублей обойдется вся партия?

— Да они недорого стоят, недорого,—включается в разговор и сам Асхат.— Ну, тысяча, ну, полторы тысячи! А то я ни разу не видел детей в шубах! Что это такое?

Вот такие помощники у казанского возчика-мецената. Подарили в этом году казанскому дому ребенка № 1 новую машину «Нива» стоимостью одиннадцать тысяч рублей. Памятник «Сказка» обошелся им в двенадцать тысяч рублей. Перечислили 8 тысяч рублей в фонд помощи пострадавшим от стихийного бедствия в Грузии. Но вот не перевели еще дыхания, а мечтают о партии шубенок для детей-сирот

(у каждого такого ребенка есть живые родители, между прочим). Странные люди, заражающие и других своей добротой и бескорыстием. Часто на подворье Асхата Галимзянова я вижу, например, Льва Александровича, слесаря, соседа Галимзяновых. Приходит поработать, помочь. Нередко засучивает рукава и другой сосед — Сергей Наумов, работающий электромом на хлебозаводе. Оба любят животных, и оба помогают бескорыстно.

— Почему мне не жалко этих денег? — переспрашивает Асхат.— А чего их жалеть? Все, что надо, у нас есть. На свои силы мы надеемся. Вон еще быки растут. Новые деньги будут. У меня мысли не о деньгах, а о детях...

Читаю письма, пришедшие от читателей «Смены». Это своего рода коллективное размышление о природе добра.

«Как много еще людей, у которых нет ни сердца, ни чувства любопытства к жизни. Вместо того чтобы радоваться, что на нашей земле появляются альтруисты, с которых, собственно, начинается коммунизм, они порой заводят на такого человека «дело». Галимзяновы между тем — это как бы часть природы, окружающей нас, и, подобно са-

мой природе, они, защищая других и помогая другим, мало заботятся о себе, а потому фактически беззащитны перед грубой силой. В житейской суете мы, люди, можем грешным делом иногда и обидеть такого человека, посмеяться над ним. Но как только такой человек покидает нас, мы остро ощущаем его отсутствие и долго жалуем о нем, помяная всегда добрым словом. В Москве есть улица, носящая имя Федора Гааза. Кто он такой? Известный поэт, полководец? Нет, скромный тюремный врач, живший в царской России, подвижник, заслуживший благодарность потомков тем, что, не щадя сил и здоровья, старался облегчить страдания больным и несчастным, которых немало было среди тех, кого гнали по этапу на каторгу. А в украинском городе Ромны есть улица замечательной русской женщины Александры Деревской. В годы войны она спасла сорок двух сирот, став матерью двадцати шести сыновьям и шестнадцати дочерям разных национальностей. Ее уже давно нет в живых, но народная память о ней не угасает. И кто знает, может быть, попав в Казани на улицу Межлаука, люди, особенно приезжие, будут спрашивать:

а где здесь хозяйство Асхата Галимзянова? Этот человек — альтруист, в лучшем смысле слова достопримечательность города...» (В. Лебедев, Псков).

«В то время, когда большинство людей занято заботами о своем собственном материальном положении, конечно же, чистое бескорыстие выглядит чем-то странным, подозрительным и даже глупым. Но как хороша, как прекрасна эта «глупость»! Наш герой является человеком нового, коммунистического общества, человеком, для которого труд на благо общества действительно простая естественная потребность. Оказывается, такие люди уже родились, уже живут среди нас. Само рождение этих счастливых людей дает жизни замечательную перспективу» (Е. Серков, Красноярск).

Этот читатель, наверное, прав. Во всяком случае, я, пожалуй, не встречал более счастливого человека, чем Асхат Галимзянов. Но все это моральная сторона проблемы. А есть еще и не менее важная экономическая сторона. Галимзянов кормит людей. Он обеспечивает мясной стол сотням своих сограждан. Наверное, утопично призывать всех

следовать принципам жизни Галимзянова. Кто-то пойдет за ним, а большинство откажется. Путь Галимзянова из труднейших. Но на его примере можно понять другое: оказывается, человек в наше время может зарабатывать огромные суммы денег, не воруя, не спекулируя, не занимаясь какими-то махинациями, на основе абсолютно честного труда и принося большую пользу людям. А такое понимание также весьма немаловажно для роста нашей экономики и нашего общего благосостояния.

Но вернемся от общих проблем на реальную почву к реальному Галимзянову. Скромный, бескорыстный человек, ничего не требующий для себя. Но это не значит, что этому человеку не нужна помощь. Напомню: квартира у Галимзяновых более чем обыкновенная — двадцать семь квадратных метров, две комнатки, нелепый коридорчик, кухни нет, печное отопление, никаких удобств. Дом старый, обветшавший — если нельзя назвать его аварийным, то полуаварийным вполне: как ни отремонтируй потолки и стены, на них постоянно проступают пузыри, а с потолка падает штукатурка. В квартире стоят две

кровати — дочери и больной жены Асхата, а самому хозяину дома и сыну его Радик, по существу, спать негде. Как ни неприятны эти подробности, без них жизнь Асхата Галимзянова будет похожа на неправдоподобный святочный рассказ. Думается, что пора остракизма, которому подвергали Асхата Галимзянова и его дело некоторые районные руководители, прошла, и городу по силам найти для одного из своих наиболее замечательных жителей, скажем, обыкновенную трехкомнатную квартиру. Есть и другая проблема. После публикаций «Смены» в 1985 году Совет Министров Татарской АССР принял решение о предоставлении А. Г. Галимзянову «нового участка земли с тем, чтобы он мог без тех трудностей, которые испытывает, заниматься своим полезным делом». Под этим документом стоит подпись И. Х. Садыкова, бывшего тогда Председателем Совета Министров Татарской АССР. Председатель в Совмине ТАССР сейчас другой, но ответственность, наверное, сохраняется, во всяком случае, решения, касающегося А. Галимзянова, никто не отменял. Но кто его будет выполнять? Сам Галимзянов мечтает, что при предоставле-

У памятника в день открытия.

Семейный портрет в интерьере.

Сын — главная опора.

Новые «ботинки» для Орлика.

нии в арендное пользование ста гектаров земли (где-нибудь возле пригородной заброшенной деревеньки в пять — семь дворов, заброшенной фермы, которую можно было бы восстановить), при наличии элементарной техники, которую тоже можно было бы арендовать, он со своим сыном и братом мог бы откармливать пятьсот — семьсот быков.

Хочется верить, что Председатель Президиума Верховного Совета ТАССР Ш. А. Мустаев вернется к забытому постановлению Совмина республики и поможет Асхату Галимзянову.

Недавно в Казани воздвигли памятник известному татарскому революционеру Муллачура Вахитову, и сын Асхата Галимзянова Радик словно бы невзначай спросил у меня, не знаю ли, какова стоимость сооружения памятника подобного рода. Галимзяновы «примериваются» к памятнику для города.

К ЧИТАТЕЛЯМ. Люди такой щедрой души, как Асхат Галимзянов, редки, но тем ценнее их пример. Если вам известны имена людей подобной самоотверженности и доброты, напишите нам о них.

МЫ — ЗА!

Как обеспечить будущее воспитанников детского дома, помочь его выпускникам быстрее овладеть профессией, обрести уверенность в жизни? Найти ответ на этот непростой вопрос поможет социальный эксперимент, который по предложению главного редактора «Смены» Альберта Лиханова готовится осуществить коллектив Кировского электромашиностроительного объединения имени Лепсе — на базе промышленного предприятия создать детский дом. Письмо, адресованное рабочим, инженерам, комсомольским активистам объединения, напечатала многотиражная газета. Но проблема, в письме затронутая, выходит за рамки коллектива только одного завода. Поэтому редакция журнала обратилась к вам, уважаемые читатели, с предложением принять участие в обсуждении письма, а затем и проекта («Смена» № 8). Мы знакомим вас с мнениями тех, кому предстоит, если идея будет принята, осуществление эксперимента, — мнениями рабочих объединения имени Лепсе.

✉ ПРАВО НА ВОСПИТАНИЕ

Прочитав обращение писателя А. Лиханова к коллективу нашего завода по строительству детского дома промышленного предприятия, хочу поделиться своим мнением. Писатель призывает нас сыграть роль коллективного родителя, участвующего в воспитании и образовании своих детей. Вот здесь возникает вопрос: готовы ли мы морально к этому? Ведь решающее значение имеет то, каких людей увидят в нас подростки. Мы должны стать для них примером трудолюбия, богатства духовной жизни. Лишь при этом условии, на мой взгляд, мы имеем моральное право воспитывать.

Хочу привести такой пример. Совсем недавно я как секретарь комсомольской организации был приглашен на собрание коллектива компрессорной установки, где обсуждались двое молодых рабочих за нарушение общественного порядка. Кроме того, у них были нарушения и производственного характера. Был задан вопрос людям, за плечами которых большой жизненный и производственный опыт: «Где же были вы, старшие товарищи?» Те ответили: «А с какой стати мы будем их учить, наставлять, помогать им, если нам за это никто не платит!» Зло сказали. В глаза. Подумайте, с какими мыслями о коллективе ушли ребята с собрания?

Мне кажется, что это не единичный случай на заводе, и это очень тревожит. Как прекрасно, что в основном наша заводская семья может служить примером для подражания! Но решая такой важный вопрос, как воспитание в трудовом коллективе, мы должны стать не примиримыми борцами с подобными явлениями, подобными людьми, одно слово которых может свести на нет общие старания и планы.

С. КОНДАКОВ,
слесарь

✉ ПОД ОДНОЙ КРЫШЕЙ

Детский дом промышленного предприятия появится не сразу, не через год, поэтому хотелось бы, чтоб он действительно стал детским домом нового типа, современным, красивым, удобным. Хорошо, что будут бассейн, стадион, театральная и художественная студии, но, по-моему, забыто техническое творчество. Поскольку дом будет находиться за городом, надо, чтобы все для детей было под рукой, под одной крышей.

Вношу предложение — чтобы потом не перекаривать и не ломать — предусмотреть для старшеклассников дисплей-кабинет, где они могли бы закреплять знания, полученные на уроках информатики, составляя программы не только игровые, а, может быть, и несложные программы для производства, по заказу. Необходимо, наверное, иметь и кинофотолабораторию, помещение для судо-, авиамоделирования, радиоузла, конструирования картингов, снегоходов и других машин, площадку для испытания техники. На крыше неплохо было бы построить небольшую астрономическую обсерваторию с метеорологической площадкой. А можно замануться и на телецентр, кабельное телевидение. Какие возможности для улучшения учебного процесса, выполнения домашних заданий, воспитания!

Написал и удивился: неужели действительно возможно такое построить для относительно небольшого количества ребят? Ведь мы привыкли к большим цифрам охвата. Но почему бы и нет, ведь ничего сверхъестественного я не предлагаю. Просто к чужим детям надо подойти как к особым детям и сделать так, чтобы после детдома их нельзя было отличить от обычной нашей молодежи.

В. КОРОТАЕВ,
учитель школы № 45

✉ ОТОГРЕТЬ РЕБЯЧИ ДУШИ

Письмо нельзя читать равнодушно, а прочитав, отложить в сторону и забыть о нем. Оно заставляет о многом задуматься. И прежде всего о судьбах покинутых детей, ведь ребята не виновны в своем одиночестве. Конечно, и теперь за детьми, которые живут в детдоме, хороший досмотр — их учат, одевают, воспитывают. Но все равно они чувствуют себя изолированными, ущемленными и, переступив порог школы, ПТУ, техникума, придя работать на завод, трудно приживаются в коллективе, считают себя обделенными.

На мой взгляд, автор очень правильно и своевременно предлагает создать детский дом промышленного предприятия. Может быть, нам нужно было этим вопросом заняться даже раньше и создать современную коммуналку макарениковского типа. Именно так, мне кажется, мы бы сумели отогреть детские души, заставить их поверить в то, что они нужны обществу, что они полноправные члены нашего заводского коллектива.

Но строительство детского дома промышленного предприятия ко многим обязывает. Мы должны подойти к этому

делу не формально, а взвесив все «за» и «против». Чтобы детям жилось здесь действительно как дома, чтобы они ощущали постоянную заботу коллектива, чувствовали рядом надежную руку старшего товарища, видели в нем пример для подражания, для этого нужно более строго и требовательно относиться к себе.

Л. МАКАРОВА,
начальник БТЗ цеха

✉ ЧУЖИХ ДЕТЕЙ НЕ БЫВАЕТ

Уважаемая редакция, разрешите выразить недоверие по поводу такого единодушного проявления любви и доброты к детям-сиротам, которое чувствуется в последних письмах, опубликованных в газете.

Нетрудно быть добренькими за чужой счет, за счет тех работников завода, которые, отработав на нем не один десяток лет, не могут получить хорошую благоустроенную квартиру, а молодые родители — место в детском садике. Не говоря уже о том, что нам, горожанам, недостает сегодня многого: новых школ, спортивных сооружений, кинотеатров и т. д.

Исключительные условия, которые предполагается создать детям промышленного детского дома, будут созданы за счет наших с вами детей. Почему мы, нормальные родители, добросовестно воспитывая своих детей, вынуждены еще и взять на себя часть материальных забот тех родителей, которые пожелали для себя легкой жизни?

Я очень сочувствую и жалею этих детдомовских детей, считаю, что они действительно нуждаются в настоящем внимании и улучшении их бытовых условий, но зачем эту идею доводить до фарса? А этот шикарный проект иначе как показухой не назовешь.

Поэтому я предлагаю строить нормальный (без излишеств: обсерватория, дисплейные классы) детский дом на свои собственные средства. Мы можем отработать на субботниках и деньги перечислить на строительство детского дома или внести на строительный счет свои сбережения.

Когда каждый отдаст столько, сколько сочтет нужным, этим обездоленным детям, тогда и можно будет назвать это добротой осязаемой.

Я думаю, народ мы добрый и трудолюбивый и стройку детского дома сможем действительно сделать по-доброму!

Т. ДЕВЯТЫХ,
инженер-программист

✉ ЕЩЕ РАЗ О ДОБРОТЕ

Прочитав письмо Т. Девятых, и рука невольно потянулась к перу. Противоречивость высказанных ею размышлений о строительстве детского дома при нашем заводе наводит на некоторые раздумья и вызывает несогласие с автором.

Прежде всего складывается впечатление, что товарищ Девятых не знает главного: строительство детского дома ни в коей мере не ущемляет интересов работников завода. Средства на это

строительство выделены различными министерствами, в том числе и нашим. Об этом говорил директор предприятия, выступая перед пропагандистским активом. Напротив, коллектив только выиграет от притока кадров.

Т. Девятых пишет: «Нетрудно быть добренькими за чужой счет...» Эти слова звучат по меньшей мере несправедливо по отношению к тем, кто душой и сердцем не только одобрил идею, но и предложил свои силы и средства для строительства заводского детского дома.

Миллионы советских людей, перечисляя свои деньги в помощь пострадавшим от аварии на Чернобыльской АЭС, знали, что эти средства составляют лишь часть той заботы и помощи, которые взяло на себя государство. Кто же в этом примере выступает в роли «добреньких за чужой счет»?

Лично меня глубоко взволновал очерк, напечатанный в одном из декабрьских номеров «Собеседника» о воспитателе школы-интерната города Алма-Аты Валерии Хафусе. Он пришел по зову сердца к детям-сиротам, не имея специального педагогического образования, но чувствуя боль чужих детей, как собственных. И в трагическую минуту, спасая своих воспитанников, сам погиб. Валерий Михайлович Хафус за мужество и самоотверженные действия посмертно награжден орденом «Знак Почета». Но только ли высокой правительственной наградой можно оценить этот подвиг? Мне кажется, более высокой наградой останется благодарная память о нем ребят. Вот только одна строка из сочинений воспитанников В. Хафуса: «Он относился к нам, как к собственным детям, и заменил нам отца и мать».

Несомненно, одинаково чутких и добрых людей нет. А если бы все были такими, не нужно было бы строить не только детские дома при предприятиях, но и говорить о детях-сиротах. Но, к сожалению, их количество в последние годы не уменьшается, а растет. Не кроется ли причина этого в нашем потребительском отношении к окружающей действительности?

Ведь как иной раз рассуждают. Почему за мой счет строят что-то, в чем я не нуждаюсь? Почему кому-то дают, а я остаюсь в стороне? Да мало ли таких «почему» возникает...

Я думаю, ценник на все случаи жизни не составишь. Никакими предписаниями не заставишь человека быть добрым. И если человек глух к чужой боли, его остается только пожалеть.

В. БЕЛТЮКОВ,
пропагандист

ОТ РЕДАКЦИИ. Наш журнал берет шефство над будущим социальным экспериментом. Приглашаем вас, дорогие читатели, высказать и свое суждение по затронутым проблемам — интересные идеи обязательно будут учтены проектировщиками. Приглашаем к активному участию в новом деле и всех, кого волнует сегодняшняя и завтрашняя судьба детского дома.

Я работаю в школе пионервожатым и изо дня в день ловлю себя на мысли: все, что я делаю, насквозь пропитано фальшью. Возможно, это многих шокирует, но молчать сегодня означает ежедневно, ежечасно, ежеминутно наносить с трудом поправимый, а порой даже непоправимый урон нашему государству. И моральный, и материальный. Давайте проследим, что делается в голове и сердце ребенка в течение его школьной жизни.

Итак, из домашней обстановки ребенок попадает под влияние так называемого «школьного коллектива». Что же это за коллектив? Это встревоженные внезапной переменой в жизни маленькие индивидуалисты, механически, по возрастному принципу сведенные в один классный коллектив. Ни способности, ни характер каждого из них при этом в расчет не берутся. В этот переломный момент мы совершаем над ребенком моральное насилие, и он надолго, если не на всю жизнь, запоминает, что взрослый имеет право подавлять его личность и это право обусловлено высшими интересами, которые по своему малолетству ребенок еще не понимает. Если где-то и возникает сомнение, оно быстро загоняется вглубь привычным: «Так положено».

«Так положено» — и вчерашние дошколята все как один становятся октябрятами. Им уже объяснили, что октябренок должен хорошо учиться, выполнять поручения (неважно, чьи), уважать старших, хорошо себя вести. Что же чувствует ребенок, вступая в октябрят? В первое время — сопричастность. Но неизбежно возникают вопросы: «Марья Васильевна говорит, что октябренок должен хорошо учиться, а Васяка учится плохо. Я учусь хорошо, он плохо, и оба мы — октябрят». Эти вопросы не задаются, они зреют в душе, идет анализ. Авторитет учителя непререкаем. Пока. Ребенок уже знает, что, задай он такой вопрос, в ответ услышит вариацию на тему «Так положено». Мы себя успокаиваем, когда думаем, что вопрос снят. Нет. Просто ребенок сам ищет на него ответ. Если умеет это делать. А если нет, он задаст его другому. Тому же пионеру, своему вожатому. Или брату. Или Петке-шестикласснику, который часто курит в подьезде. Вы уверены, что он получит умный, правильный ответ на свой вопрос? Я — нет.

«Так положено» — и все октябрят нашей страны должны играть в игру «Октябрят по стране Октября». Представьте себе взрослого, которого заставляют каждый день после работы играть в «Эрудит», объясняя это тем, что нужно повышать свой интеллектуальный уровень. Ситуация нереальная. Можно принуждать к учебе, к труду, конечно, тех, кто явно не хочет работать и учиться, но заставлять играть? Это же абсурд! Но заставляем. А куда деваться? Ведь надо же что-то делать, а то ведь скажут, что зря зарплату получаем. И не только мы, но и те, кто эту игру сделал обязательной. Сама игра довольно интересна ребятам и нужна, но ее нужно пропагандировать наряду с другими, а не насаждать. И это

особенно важно потому, что смысл игры — в изучении ребятами жизни и деятельности В. И. Ленина, деятельности детских коммунистических организаций, истории революции, Страны Советов, Коммунистической партии и комсомола. А ведь форма распространения игры подрывает доверие ребят к словам о равенстве, творчестве масс, социализме и коммунизме. Слова же эти они встречают в ходе игры постоянно. Короче, сами говорим одно, а делаем другое, прямо противоположное, и детей этому учим. Почему? Потому, что «так положено».

В третьем классе происходит следующий тур этого словесного аттракциона. И если до этого момента словами жонглировали в основном мы, взрослые, то теперь мы требуем того же от детей. Они старательно заучивают, как перед экзаменом, слова Торжественного обещания, не вдаваясь в их глубокий смысл. У них создается ложное впечатление, что они знают, что завещал великий Ленин, чему учит КПСС. Это заблуждение поддерживается тем, что они много знают о Ленине, о деятельности КПСС. Это заблуждение укореняется в их сознании, потому что их знание истории и сущности ленинского революционного учения базируется на отрывочных данных, полученных в начальной школе и на уроках истории СССР в четвертом классе. На чем основано положение, при котором достаточно систематические знания по истории СССР школьники начинают получать лишь в седьмом классе?

Так вот о лозунгах. Красиво звучит обращение к пионером: «К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!» Они отвечают: «Всегда готовы!» Вдумывается ли большинство из них, к чему они должны быть всегда готовы? Нет. Почему? Да потому, что практически никто не донес до их сознания необходимости думать по этому поводу. Взрослым удобно приспособливать пионерскую организацию для поддержания дисциплины и порядка в школе, для выполнения плана учебно-воспитательной работы. Поэтому в сознании ребят укоренилась уверенность в том, что «Законы пионеров» и «Правила для учащихся» — одно и то же. Но ведь это же спекуляция священной для всех нас понятиями «демократия» и «социализм», построенная на идеологическом вакууме в головах ребят. Сейчас, правда, средства массовой информации все-таки занялись ликвидацией этого вакуума. Хотя «каша в голове» вместо вакуума, согласитесь, не лучший выход.

Всем известен пионерский лозунг «Заветам Ленина верны!». Если хотя бы 10 процентов пионеров нашей страны смогут сформулировать эти заветы со ссылкой на произведение В. И. Ленина, я возьму свои слова обратно. Но пока я утверждаю, что только ничтожное меньшинство в состоянии правильно рассказать о сущности этих заветов. Меньшинство не только воспитуемых, но и воспитателей. Такое положение дает возможность невеждам от педагогики переворачивать с ног на голову сущность политики партии. Откуда беруться политические спекулянты и бю-

рократы? Из нашей советской школы. Несмотря на перестройку, школа продолжает поставлять обществу брак. Приспособленцы, циники, бездумные исполнители. Это они привели нашу страну к застою явлениям. Нашей школе нужна не реформа, а революция. Иначе мы будем вынуждены заниматься перевоспитанием и переучиванием выпускников школы еще очень долго. А на это нужно время. Его-то у нас и нет.

Еще лозунг: «Все лучшее — детям!» И строятся станции юных техников, дома спорта, школы искусств, детские дома культуры. То есть происходит децентрализация воспитательной работы. Все эти заведения сами по себе хороши взяты в отдельности, но что получается в комплексе? Мы сами себе противоречим, добиваясь выполнения декларации «Школа — центр воспитательной работы микрорайона» одновременно с заботой о занятости школьников во всяческих кружках и секциях. Что же у нас получается? Очередной абсурд. Семь-восемь из десяти пионеров занимаются в кружках, музыкальных школах, спортивных секциях. Давайте посмотрим на их недельную нагрузку. Учеба вместе с выполнением домашних заданий отнимает в среднем 8—9 часов в день. Занятия в кружках — 1,5—2 часа 3—4 раза в неделю, в спортивных секциях — часто по две тренировки в день по 2—3 часа. Занятия в музыкальной школе также отнимают по 3—4 часа ежедневно, включая воскресенья. Добавить сюда общественно полезный труд и внеклассные мероприятия, и станет точно. С 8 утра до 8 вечера, как белка в колесе. И мы сейчас боремся за 100-процентный охват. А зачем? Вы заметили, как ребята ждут каникул? Как многие из нас — отпуска. Чтобы остановиться, оглянуться, задуматься. Но и там мы их настигаем, и там должен быть охват. Да не надо их хватать! Что это за хватательный рефлекс выработался у нашей педагогики? Кто в этом виноват? Не скрывается ли в Академии педагогических наук или в Министерстве просвещения новоявленный Лысенко от педагогики?

Еще декларация: «Пионер — юный строитель коммунизма». Если раньше в слово «строитель» вкладывался смысл рабочей силы, строящей материальную базу, то теперь такое понимание стало узким, мы из него выросли. Сейчас строитель коммунизма — это прежде всего творец, творец новых технологий, социалистических взаимоотношений в обществе, творец демократии и социальной справедливости. А как быть творцу, которому отказано в доверии? Ведь каждый шаг ученика в школе оценивается, и из этих оценок идут далеко идущие выводы. Если бы академик Павлова оценивали, как современного школьника? Ведь его опыты зачастую не удавались. Но никто не поставил ему двойку и не сказал: «Вы плохо работаете». Потому что он видел цель своей работы, и даже неудачные опыты приближали его к этой цели. Современный же школьник не видит конкретной цели своей учебы и общественной работы. Ему просто говорят, что

все это пригодится ему в жизни. Не пригодится! С момента окончания школы в течение 11 лет мне ни разу не понадобились мои знания по математике, физике, химии, биологии, географии. Я имею в виду школьные знания. Что касается общественной работы, то я занимался ею и в школе, и после школы, занимаюсь и до сих пор и абсолютно уверенно заявляю: «Школьная общественная работа — чистейший вздор, абсолютно никому не принесший ни капли пользы, кроме, пожалуй, комсомольских бюрократов, научившихся в школе красиво оформлять липовые бумажки и чувствовать себя при этом начальниками».

Я не хочу, чтобы меня приняли за воинствующего невежду. Нет, я люблю учиться, учить-ся. Я не хочу быть ящиком, в который складывается кем-то на хранение информация, чувства. И не желаю этого современным школьникам. Я думаю, они со мной согласятся.

Теперь о Марше юных ленинцев «Революционный держим шаг». Сущность довольно хорошая, но... Опять обязательство. Маршрутов — пять, ни больше ни меньше. Высоты — три. Теоретически все очень красиво. А практически? Какими силами и в какое время дети должны идти по этим маршрутам? И не отобьем ли мы у них охоту заниматься пионерской работой, ограничив их продвижение пятью дорогами, да к тому же прямыми? А если еще учесть, что дороги эти накатанные, без препятствий, без трудностей, все разжевано: и куда идти, и как, и с кем, и под чьим руководством. Словом, ложись пионер, на спину, плыви по течению и читай на небе надпись «Революционный держим шаг». И усваивает пионер, что революцию, оказывается, можно делать и лежа, не задумываясь, за тебя все продумают и поведут. И вели. Всех нас вели. А мы шли. Шли, не сомневаясь, что идем правильно. И пришли.

Так неужели же и дети так же пойдут? Нельзя этого допустить. Никак нельзя.

Прошу прощения у тех педагогов, в чьих школах это не так. Я искренне их уважаю и солидарен с ними. Но их же очень мало!

Через журнал обращаюсь к людям, работающим в системе народного образования, в Министерстве просвещения, в Академии педнаук, в ЦК ВЛКСМ, ЦС ВСПО имени В. И. Ленина: проанализируйте все, что вы делаете для детей, что вы уже сделали, что вы собираетесь делать, поставьте себя на место реального школьника. Обращаюсь к социологам: необходимо всестороннее исследование морально-психологического климата в советской школе, срочно, откладывать нельзя!

Обращаюсь к читателям «Смены»: давайте вместе подумаем, как нам воспитывать наших детей, нашу смену, чтобы им было по силам участвовать в огромной созидательной работе, развернувшейся в стране.

ИНФЛЯЦИЯ ПОЗУНГОВ ИНФЛЯЦИЯ ЛОЗУНГОВ

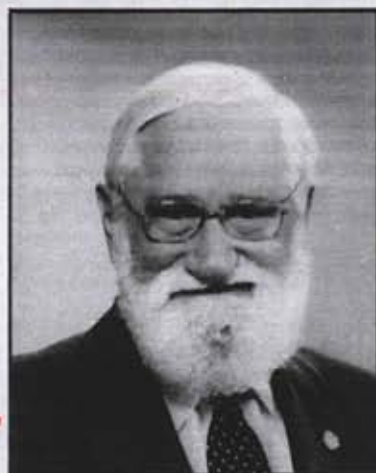
ПРЕДЛАГАЕМ СООБЩА ОБСУДИТЬ ОСТРЫЕ ПРОБЛЕМЫ,
ПОДНЯТЫЕ В ПИСЬМЕ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ.

Игорь ШАМШУРИН,
пионервожатый,
Норильск

ЗАЩИТНИКИ ДЕТСТВА

Ассоциация деятелей литературы и искусства для детей и юношества Союза советских обществ дружбы с народами зарубежных стран (ССОД) учредила Золотую Международную медаль имени Льва Толстого. Учитывая, что медаль эта присуждается за гуманистические, самоотверженные усилия в защиту детства и юности, проявленные в любых сферах человеческой деятельности, в 1987 году медали присуждены следующим лицам: — профессору Альберту Бруту Сэбину (США) — за создание вакцины против детского полиомиелита; — писательнице Астрид Линдгрэн (Швеция) — за создание книг, любимых детьми всего мира; — директору детского дома Антонине Павловне Хлебушкиной (СССР, Ташкент) — за гуманизм, добросердечие и воспитание 3250 детей. Поскольку в этом году новая международная награда присуждается впервые, медалью имени Льва Толстого награждены также бывшие президенты Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей и юношества, внесшие большой вклад в дело сотрудничества деятелей культуры для детей и упрочение международного авторитета Ассоциации, — поэт А. Л. Барто (посмертно) и писатель С. В. Михалков.

**Альберт СЭБИН,
США**

Полиомиелит. Страшная болезнь, омрачающая детство, радость родителей. Когда-то от нее не было спасения. Победить недуг помогает вакцина, созданная американским ученым Альбертом Сэбином.

Имя профессора А. Сэбина, члена Национальной Академии наук США, иностранного члена Академии медицинских наук СССР, сегодня знает весь мир. Ведь только по неполным данным, противополиомиелитную прививку получили более двух миллиардов человек. Впервые же воздействие вакцины А. Сэбина было изучено и апробировано в СССР в 1956—1958 годах. Вскоре эти исследования были использованы для крупносерийного производства противополиомиелитной вакцины, которая экспортируется Советским Союзом во многие страны.

Широки научные интересы А. Сэбина. Он неоднократно бывал в нашей стране, участвовал в симпозиумах и конференциях. За свою неутомимую гуманную деятельность профессор А. Сэбин отмечен наградами разных стран, в том числе и советским орденом Дружбы народов.

**Астрид ЛИНДГРЕН,
Швеция**

Детская писательница Астрид Линдгрэн за свою долгую жизнь написала более 30 книг. Наибольшую известность у детворы получили ее повести о толстом, забавном человечке с пропеллером за спиной — Карлсоне, который живет на крыше. Эта удивительно светлая, человеческая история учит детей добру, бескорыстию, правде.

На русском языке изданы и другие книги писательницы — «Пеппи Длинныйчулок», «Мио, мой Мио!», три повести об Эмиле из Лённеберги, «Калле Блумквист и Расмус», «На острове Сальткрока». Выходит и последняя ее повесть — «Рони, дочь разбойника».

Произведения А. Линдгрэн близки народному творчеству. Как в сказках, в них просто и мудро говорится о самом сложном. Книги писательницы полны жизни, огня, задора.

Каждая книга Астрид Линдгрэн — это настоящий праздник для наших ребятишек. Пусть же к многочисленным наградам, которых удостоена писательница, прибавится еще одна — медаль имени Льва Толстого.

**Антонина ХЛЕБУШКИНА,
СССР**

Вся трудная, полная тревог жизнь Антонины Павловны Хлебушкиной связана с детьми, с комсомолом. Еще в довоенные годы работала она пионервожатой в школе, была директором детского центра в Ташкенте. А с 1942 года и по сей день — директор детского дома № 1, созданного по инициативе комсомольцев Сталинградского фронта для детей воинов Красной Армии. В суровый 43-й Антонина Павловна стала коммунистом.

3250 ребятишек — столько прошло через детский дом за эти 45 лет. И все они помнят тепло рук Антонины Павловны, до сих пор называют ее мамой. 1200 воспитанников Хлебушкиной получили высшее образование. Среди бывших ее питомцев — министр, народная артистка республики, рабочие, учителя, инженеры.

«Смена» не раз писала о большом, благородном труде Антонины Павловны, удостоенной ордена Трудового Красного Знамени, медалей. Хлебушкина — заслуженный учитель школы Узбекской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола.

ОСЛИК

Отия ИОСЕЛИАНИ

Между дворами и заброшенным виноградником тянулся проселок, за виноградником, до зарослей колючей гледичии темнела пашня, а уж за ней раскинулся просторный луг — мы называли его Бекнарой.

От колючих зарослей Бекнара отлого уходит вниз, но чем ниже, тем заметнее выравнивается. За дикой грушей, растущей посреди луга, до толкой низины петляет разверстая балка. Видно, когда-то здесь текли потоки, способные проточить овраг глубиной больше человеческого роста и шириной местами шагов до десяти. Балка, сколько помню, сплошь зарастала травой.

Грунт на Бекнаре сплошь глинистый. Раньше землей с этой поляны обмазывали плетеные дома — пащи. А в пащах и дощатых кухнях натапывали из нее земляные полы. До войны на Бекнаре даже построили печь для обжига кирпича, но в глину тут и там зернышками черного перца подмешивались мелкие камешки, не переносившие обжига. При нагреве они лопались, рассыпались, и кирпич получался некачественный. А в Западной Грузии такой кирпич скоро раскисает от дождей и сырости. (Это почему-то поняли после того, как печь для обжига была возведена.) Цех забросили, но на его месте еще долго стояли пустая печь и длинные навесы с полками для сушки, где в дождь и в жару укрывались не только пастушата, но и скотина — коровы, телята, овцы.

В те годы мы переменили место наших сборов — из-под дикой груши перебрались под заброшенные навесы. Играя в прятки, ловкому мальчишке нетрудно было найти там надежное укрытие — вскарабкаться повыше на полки или залезть в печь... Да-а, на нашем лугу было много такого, что могло занять подростка и навсегда остаться в душе как память о детстве. Чего стоила хотя бы старая дикая груша с большим дуплом, служившая нам укрытием от жары и дождя до постройки кирпичного цеха. Или топи на нижней границе луга с лягушками по кочкам и бережкам!

Удочек с яркими поплавками у нас не водилось, но, привязав к лягушачьей лапке прочную соломинку

Юный
знаменосец революции.

Колыбель и винтовка...
Будни
Никарагуа.

ДОСТОЯНИЕ РЕСПУБЛИКИ

Владислав ЧИРКОВ

Колыбель и винтовка... Казалось бы, несовместимо. Но сколько раз видели мы прекрасные, исполненные нежности и бесстрашия благородные лица мадонн революции, прижимавших к груди ребенка и державших в руках оружие...

Над колыбелью детей Никарагуа звучат не только песни матери, над ними еще свистят пули. И это не абстрактная формула, а, увы, реальные, сегодняшние будни мужественного народа страны Сандино.

Каждый раз, когда я встречаюсь с людьми этой страны, когда вижу, с какой необыкновенной, по особому пристальной заботе обходятся они

с детьми, сколько неподдельной сердечности и широты души дарят им, почему-то приходят в голову горькие мысли о тех малышах, которые погибли, о тех, у кого погибли отцы и матери.

Народ, насчитывающий чуть больше трех миллионов человек, за 8 лет необъявленной войны США против Никарагуа потерял 12 тысяч граждан, в том числе больше тысячи детей в возрасте до 12 лет. Они погибли в пылающих хижинах, подожженных засланными карателями, их расстреливали на улицах, когда они играли или спешили в школу.

Трагедии, которые переживает наш сложный и противоречивый век, мно-

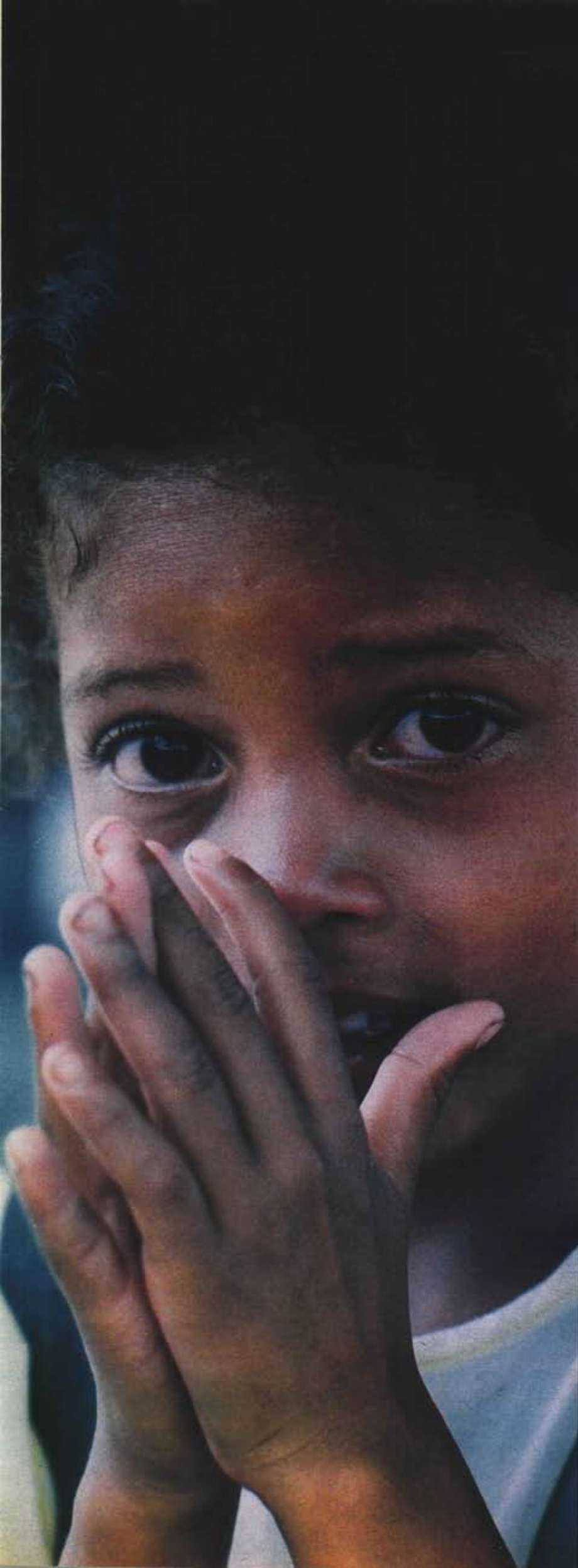
голики. Но эта, должно быть, самая страшная: когда бомбу швыряют в детскую колыбель...

И все же жизнь сильнее!

Мне вспоминаются слова замечательного поэта и гражданина Никарагуа Рубена Дарио, называвшего свой народ «певчим, сильным и гордым».

Если в стране, где свистят бандитские пули и полыхают крестьянские поля, в стране, которую пытаются взять измором и где далеко не каждому и не каждый день удается наесться досыта, если в такой стране люди каждый вечер заполняют библиотеки, театры и концертные залы, если идут по пыльным горным дорогам навстречу ненависти и ко-

Открытие нового мира началось...

Он узнал, что такое «контрас».

Революция и романтика, революция и поэзия...

варству «контрас» добровольцы-бригадисты, чтобы обучать грамоте рабочих и крестьян, то эта страна, эта революция непобедимы. Ибо суть ее — человечность, гуманизм, смелая мечта о добром Завтра для своих детей.

Огромный ущерб, который понесла Никарагуа от военных действий и экономической блокады Вашингтона. Его исчисляют почти тремя миллиардами долларов. Вдумайтесь, что это означает для отнюдь не богатой маленькой страны. И тем не менее медицинское обслуживание в Никарагуа бесплатно. Вдвое по сравнению с дореволюционным периодом снижена детская смертность. Бесплатно и образование. Революция гордится своими новыми школами, гордится тем, что там изучают науку дружбы и человеческого товарищества.

Никарагуанцам, как воздух, нужен мир. Но какой только лжи не изобретают в Белом доме, толкуя об «агрессивных замыслах» Никарагуа! Дескать, если сандинистов не «остановить», то возникнет угроза и Панамскому каналу, и американским перевозкам в Карибском море, и даже национальной безопасности США, не говоря уже о том, что всю Центральную Америку захлестнут.

по выражению Рейгана, «красные волны».

При всей своей антикоммунистической ослепленности в Вашингтоне понимают: никарагуанцы мечтают вовсе не о том, чтобы заняться изменением существующих порядков в других странах, а о том, чтобы их оставили в покое и они могли бы полностью посвятить себя благоустройству собственного дома, будущему своих детей.

...Мне не раз говорили, что лучшие песни Никарагуа, звучат ли они на испанском или на языках индейских племен, — это колыбельные. Не знаю, быть может, это относится ко всем песням, которые поют в нашем беспокойном и тревожном мире. Но когда речь идет о Никарагуа, понимаешь, каким это сегодня наполнено высоким смыслом.

Дети Никарагуа — это сегодняшняя боль и завтрашняя гордость щедрого и мудрого народа.

Так пусть колыбельным песням не придется прерываться автоматными очередями и свистом пуль.

Вашингтон приговорил революционную Никарагуа к смерти.

Никарагуа приговорила себя к жизни, и история утвердила этот приговор.

РЖАВЧИНА

Михаил ПЕЧЕРСКИЙ,
специальный корреспондент «Смены»

Все остальное будет понятнее, если сначала я расскажу об одном человеке, который в этой истории сыграл немаловажную роль. Многие считают его правдолюбом и борцом за справедливость. Это мнение подогревается тем, что он часто выступает с критикой на собраниях и указывает на недостатки.

— Знаю его давно, — аттестовал мне Сергея Вуккерта секретарь комитета комсомола Восточно-Казахстанского машиностроительного завода Александр Эртман. — Уважаю за честность и принципиальность. А также за умение работать. Токарь экстра-класса. На заводских и даже областных конкурсах профессионального мастерства всегда выходит победителем. Парень что надо.

Я спросил Вуккерта: — Это верно, что вы однажды прямо из-под носа «увели» выгодную работу у Геннадия Сурина?

— Было дело, — не стал отпираться Сергей. — А что мне оставалось? Радоваться, что Сурин получил хороший наряд и будет иметь на нем хороший приварок, а я в это время должен выколачивать койки из шайбочек, болтиков, гаечек?

— Да ведь ваш товарищ...
— Ну уж нет. У меня как-никак шестой разряд, семья, и я имею полное право на приличную мужскую зарплату.
— Но у Сурина тоже семья и тоже шестой разряд...

— Его заботы — не моя печаль. Пусть не зевает. У нас ведь это не новость — любыми способами перехватить такой наряд, чтобы потом не тосковать над платежной ведомостью. Не я первый, не я последний.

— И все же, не понимаю... Чего вам было делить в одном-то коллективе? Дело ведь общее...

— А зарплата? — остро глянул на меня Сергей. — Ее тоже, что ли, в общий котел? Даешь уравниловку? Но вы же знаете, что записано в Конституции: «От каждого по способностям — каждому по труду».

— Но с Суриным-то, с какой стороны ни подойди, получилось совсем не по закону: ни по писаному, ни по нравственному.

— А! Пусть не зевает...
«Зевок» у Геннадия Сурина получил вот какой. На заводе выпускают сотни различных машин, механизмов, приспособлений, агрегатов и запчастей по разовым заказам многих предприятий Министерства цветной металлургии СССР, зачастую даже в одном-единственном экземпляре. Для станочников это означает необходимость обрабатывать деталей много, но небольшими сериями. За смену им нередко приходится делать несколько переналадок. Теряется время, снижаются темпы, что отражается и на заработках. Если токарям, которые работают на малых станках, именуемых здесь «двадцатками», случается иметь дело с более-менее крупной серией заготовок повышенной сложности обработки, — это уже как подарок судьбы.

Вот такой «подарок» и получил однажды токарь второго механосборочного цеха Геннадий Сурин. Ему надлежало обработать сорок колес к устройству

для сжигания топлива. А четыре десятка таких колес — это целая неделя безо всяких переналадок. И, конечно, хороший заработок. Вуккерту достались шайбы, болты и гайки. Мелочь.

Дело было в пятницу после обеда. Сурин успел начерно обработать десяток заготовок, а затем вместе с Владимиром Маметьевым и Сергеем Вуккертом отправился домой. На углу одной из улиц Усть-Каменогорска приятели распрощались. Вуккерт немного выждал и... рванул обратно в цех. Торопясь, перетаскал к своему станку тридцать оставшихся без присмотра суринских заготовок и до последнего ночного автобуса делал им черновую обдирку.

Утром в понедельник поднялся великий шум. Вспыльчивый профорг комсомольско-молодежного коллектива Геннадий Сурин и уравновешенный группкомсорг Сергей Вуккерт едва не дошли до первобытного «выяснения отношений». Спасибо Николаю Бабичеву: он решительно вмешался во взрывоопасную ситуацию и не дал свершиться поединку. Руководитель КМК Алексей Одинцев, принявший на себя обязанности третейского судьи, подтожил рассудительно и кратко:

— Плюнь, профорг, уступи комсоргу. И не бери близко к сердцу. Сегодня он тебя, а завтра ты его объегоришь.

Подумав немного, он принял компромиссное решение:

— Чтб ни тому, ни другому не было обидно, пусть-ка теперь за эти заготовки возьмется Маметьев.

Тот не стал принципиальничать, отнекиваться и вдаваться в психологические тонкости возникшей проблемы. Работа денежная — грех отказываться. «Благодаря согласию растут малые государства, из-за раздоров гибнут великие державы», — заметили когда-то наблюдательные эллины. Бригада не государство. Но и к ней подходит мудрый вывод древних греков.

Когда пять лет назад во втором цехе создавался КМК, ни у кого, пожалуй, не возникало сомнений в преимуществах

бригадной формы организации и оплаты труда. Новорожденному комсомольско-молодежному коллективу будущее рисовалось безоблачным. Бригада получает задание — изготовить машинокомплект, и все семнадцать токарей начинают согласно трудиться на единый наряд с оплатой по конечному результату, помогая друг другу и демократично решая свои проблемы.

Реальность, однако, сразу внесла коррективы в радужные надежды. Цеховая администрация не позаботилась о том, чтобы стопроцентно обеспечивать бригаду необходимыми заготовками. Вместо того, чтобы навести в этом деле порядок, цеховое начальство приняло «соломоново» решение: о машинокомплектах забыть, а продолжать работать как и раньше: по индивидуальным нарядам. Правда, чтобы хоть как-то соответствовать духу времени и не портить статистическую отчетность, куда КМК уже был впечатан черным по белому, здесь старым методом постарались придать атрибуты новизны: создали совет бригады, избрали профорга и группкомсорга, ввели КТУ, велели бригадиру раздавать и закрывать наряды.

Алексей Степанович Одинцев стал охотно раздавать и закрывать. При этом, однако, довольно скоро обнаружилось, что лидер КМК имеет весьма смутное представление о справедливости. Ему казалось, что главным измерителем человеческих ценностей является рубль, а справедливость заключается в том, чтобы у него как у главы коллектива он был наиболее полномочным. Большой док по этой части Сергей Вуккерт, используя свои полномочия комсорга, провел с лидером беседу, в ходе которой убедил Алексея Степановича, что рубль, конечно, главный измеритель, но в одиночку бороться за справедливость негоже. Один в поле не воин. Надо иметь надежных соратников, которые в случае чего могут занять вокруг бригадира глухую круговую оборону.

Одинцев оценил намек комсорга. Отныне, подбирая себе самую выгодную работу и проставляя самый высокий КТУ, они всем составом совета бригады бились за каждый заветный полновесный рубль. Сергей Вуккерт, Владимир Маметьев, Вячеслав Решетников, Юрий Булгаков и, конечно, сам бригадир могли зарабатывать до пятисот рублей в месяц, а многие другие, особенно из числа молодых и менее опытных токарей, — намного меньше.

В бригаде стали возникать конфликты. Недовольные члены КМК после каждой получки роптали и требовали объяснений. Лидер скликал своих преданных помощников, те крутили пуговицы на пиджаках у недовольных и пускались в туманные рассуждения о том, что полновесная зарплата зависит от КТУ, который выводится на основе тарифного заработка, а на него, в свою очередь, дают потолок фонда заработной платы, система материально-технического снабжения и целый ряд других железных обстоятельств. И вообще, ребята, бригадир свое дело знает туго, он по каждому из вас ведет скрупулезные подсчеты и расчеты. Ребята шли к своему профгору. Тот давил на бригадира:

— Почему выгодные работы ты даешь только очень узкому кругу?

— Потому что мне виднее, кто на что способен и что кому можно доверить.

После подобных разговоров бригадир кое-кому иногда все же подкидывал хорошую работу, но своего общего стратегического направления не менял и менять не собирался. Конфликты, временно затухая, разгорались снова и снова. Не было в КМК спокойствия и мира. Падало у людей настроение, не пробуждала радости работа, ржавели и портились контакты взаимопонимания. Неловко чувствуя себя в этой нервной обстановке, «восстал» член совета бригады Юрий Булгаков:

— Как хотите, ребята, а я в такие игры больше не играю...

Но не дрогнули члены совета, твердо стояли на своем. Поднимешь КТУ другим — сам останешься внакладе. За чем? И не выдержал Юрий Булгаков: подал заявление, перешел от греха подальше на другой участок. Не захотели больше оставаться «под крылом» Алексея Одинцева и его окружения Геннадий Сурин, Николай Бабичев, покинули бригаду Владимир Ганзин, Геннадий Казанский и многие другие, особенно из числа молодых.

— Не хочу работать в коллективе, где нет коллективизма, элементарной порядочности и каждый только за себя, — объясняет мотивы своего ухода Николай Бабичев. — Деньги, деньги, деньги... Как будто это самое главное, что только есть на белом свете! Кстати, вы заметили, сколько у нас на заводе валяется забытого ржавого железа? Вот так же, я думаю, кое у кого гибнет совесть от ржавчины...

Когда я приехал на Востокмашзавод, КМК Алексея Одинцева как единое целое фигурировал лишь на цеховой доске показателей, поскольку обозначен здесь несмысленной нитрозмалью. Однако ни фактически, ни юридически его уже не было. Фактически — потому, что

от прежнего состава осталось всего три «корифея»: Одинцев, Вуккерт, Решетников. Остальные — народ новый и в основном не комсомольского возраста. А юридически — потому, что в середине лета начальник цеха Борис Фейгис забил последний гвоздь в гробовую доску коллектива, разъяденного ржавчиной раздоров. Цитирую его распоряжение номер семьдесят четыре: «В связи со снижением производственных показателей и ухудшением производственной дисциплины временно отстранить Одинцева А. С. от обязанностей бригадира и впредь планировать сменные задания токарям группы станков К62 индивидуально на каждого станочника. Распоряжение действительно с 1.06.86 года сроком на два месяца».

Фейгису бы позвать на помощь заводской комитет комсомола, который поручил этот КМК, ежеквартально признавал его лучшим на предприятии. Смотришь, сообща и нашли бы достойный выход из тупикивой ситуации. Да не любит демократических церемоний молодой руководитель. Ну и отдал распоряжение, ни с кем не советуясь.

Прошли месяцы, но не возродился бесславно распавшийся комсомольско-молодежный коллектив «Корифей», вспоминая былые вольготные дни, голосуют за возрождение. Однако «новобранцы», которые стоят за соседними станками и наслышаны о корыстолюбивых замашках ветеранов, ни в какую не хотят объединяться с ними. Даже несмотря на призывы секретаря комитета комсомола Александра Эртмана и увещивания самого директора предприятия Виктора Васильевича Слободчикова. Состоится ли все-таки победа нового над старым?

Вопрос остается открытым не только потому, что во главе КМК оказались не те лидеры. Там, где есть порядок, проще выпрямить любые искривления. А если порядка нет?

На Востокмашзавод я приехал в начале месяца.

— Неудачное время для визита, — пошутил бригадир второго механосборочного цеха коммунист Сергей Колесов. — Сейчас на заводе косяком идут собрания, совещания и заседания: руководящий народ всех рангов трудится в кабинетах над планами ускорения. А само ускорение начнется с двадцатого числа.

— Почему именно с двадцатого? — Так ведь у нас такая система: сначала надо наговориться досыта, а уж потом «Эй, ухнем!».

— Ритмичности нет, — подтвердили невеселую шутку бригадира в финансовом отделе предприятия. — Половину всей продукции завод выпускает в последней пятнадцатке, срывает выполнение договорных обязательств.

Вот такое «ускорение». Надо ли удивляться, почему в таких условиях распался КМК Алексея Одинцева и почему здесь постоянно громадный дефицит станочников? Не выдерживая нервотрепки, они каждый год увольняются десятками. На их место приходят другие — но тоже ненадолго.

— У нас на заводе каждый третий — комсомолец, — рассказывал Александр Эртман. — Естественно, у меня нередко возникает необходимость посоветоваться с директором предприятия по тем или иным молодежным проблемам. Но очень часто я просто никак не могу попасть к Виктору Васильевичу. Однажды, к примеру, по неотложным делам комсомольско-молодежных коллективов пробыл к нему две недели, а попал только после того, как записался у секретарши на прием по личным вопросам. Пришлось высказать свою обиду на заводском партийном собрании. Но и после этого ровным счетом ничего не изменилось. Какое-то у нас технократическое отношение к людям. План, проценты, бумаги, цифры... Чувствую, и в меня вбьдается эта баццлла. Взять хотя бы тот же КМК из второго цеха. Ценили его за проценты перевыполнения, а людей не видели за цифрами. И получилось самое настоящее верхоглядство.

ПРЕДЕЛ НЕВОЗМОЖНОГО

Владимир КУЗНЕЦОВ,
доктор педагогических наук,
заслуженный мастер спорта

Во все времена человек стремился как можно глубже заглянуть в самого себя, угадать скрытые в себе силы. Сегодня этим занимается новая наука — антропомаксимология. С ее основоположником, недавно безвременно ушедшим из жизни, доктором педагогических наук, заведующим сектором резервных возможностей человека Всесоюзного НИИ физической культуры Владимиром Васильевичем КУЗНЕЦОВЫМ беседовала наш корреспондент Анна МАГОМАЕВА. Это была последняя встреча ученого с журналистом.

— Владимир Васильевич, вспомним для начала пример, ставший почти хрестоматийным. Пилот, совершивший вынужденную посадку на Севере, вышел из самолета и наклонился, осматривая шасси. И вдруг он почувствовал плечом жесткое прикосновение. Обернулся — за спиной белый медведь огромных размеров. Летчик одним махом вспрыгнул на крыло самолета, расположенное на высоте около двух метров! И это в неуклюжих сапогах, тяжелой шубе, толстых брюках! Другой, не менее замечательный случай произошел во время войны. Зная, что от его жизни зависит жизнь товарищей, один из моряков несколько часов плыл ночью в Финском заливе при температуре воды 15 градусов. Хотя было известно, что время безопасного пребывания в такой воде ограничивается часом... Именно благодаря подобным крайне опасным, чрезвычайным ситуациям люди издавна открывали в себе донные неведомые силы, которыми наделила их природа. И все больше задавались вопросом: на что же все-таки способен человек?

— Дело в том, что раньше мы имели в виду далеко не самый высокий, а весьма средний уровень наших возможностей. Изучали «усредненные» биолого-социальные нормы, которые, в сущности, причисляли всех под одну гребенку. Это был результат давно устоявшейся порочной методики исследований. В последние двести лет мы практически строили теорию средне-

статистического человека, пользуясь функциональным подходом в его изучении. Во главу угла ставилось познание нормальной (средней) работы всех систем организма. Учение великого физиолога Ивана Петровича Павлова о том, что «норма скрыта в патологии», было практически забыто. Теперь иной подход — видеть норму в необычном. Ведь должен же существовать и высший рубеж достижений, их вершина? Что, если принимать за норму рекорд и, отталкиваясь от него, пересмотреть сложившиеся привычные представления о человеческих возможностях?

Эти мысли возникли у меня еще в студенческие годы, во время Олимпиады в Хельсинки, где дебютировали советские спортсмены.

Комментарий журналиста. На Владимира Кузнецова, тогда одного из сильнейших метателей копья в стране, возлагались большие надежды. И Кузнецов (а он по характеру максималист) выкладывался на тренировках, как ему казалось, полностью. Он делал пятьдесят бросков подряд и считал это пределом. Каково же было его удивление, когда в Хельсинки он увидел, как будущий победитель американец Янс почти втрое перекрывает привычную тренировочную норму, ничуть не страдая при этом упадком сил...

— Владимир Васильевич, в последнее десятилетие особенно резко, стремительно происходит ломка традиционных представлений о человеческих возможностях. С чем это связано?

— «Виновата» научно-техническая революция. Каждый день в производство внедряются новые, сложнейшие технические системы. Чтобы обслуживать их, нужно овладеть колоссальной суммой знаний и навыков, которая, кстати, растет значительно быстрее, чем мы это осознаем. Вот и образуются так называемые «ножницы» между темпами научно-технического прогресса и общепринятым подходом к возможностям человека. Общество в итоге несет невосполнимые потери: период творческой активности большинства людей не очень велик, а мы так неопозволительно много времени тратим на обучение!

Одно из уникальных явлений человеческой психики — чудо-счетчики, ментально возводящие в степень, умножающие и складывающие в уме огромные числа. Для них, к примеру, ничего не стоит вычислить, сколько секунд прошло со времени смерти Нерона до падения Константинополя. И у каждого свой секрет. Для Урании Дамонди цифры складывались в виде бесконечного kaleidoscope цветов. Иноди казалось, будто вместо него считает чей-то голос. А цюрихский профессор математики Трахтенберг, во время второй мировой войны — узник концлагеря, изучая отдельные феномены, су-

мел создать универсальную систему ускоренного счета для всех. Эта система резко повышает скорость выполнения сложных счетных операций.

— Значит, быстрый счет уже не тайна, а научно разработанная система, ее можно изучать, ею можно овладеть... До какой степени совершенства?

— Это покажет практика. Для нас, ученых, важнее другое: аксиома, что почти любой человек может научиться прodelьвать в уме счетные операции все быстрее. Главное — уйти от усредненности. Ведь, несмотря на то, что человек с незапамятных времен стремился познать себя, свои возможности, резервы как физические, так и психические, знания о человеческом организме накапливались прежде всего за счет изучения больных людей. Естественно, что полученные таким путем закономерности гонились разве что для объяснения нарушений в работе отдельных органов и систем человеческого организма. Что же касается здоровья людей, то медицину они практически не интересовали. Научный консерватизм привел к тому, что даже сегодня наука имеет всего лишь поверхностные знания о возможностях здорового человека.

Переворотом в системе познания стал новый метод «оптимальной нормы», созданный во ВНИИ физической культуры: антропомаксимологический (сокращенно АМЛ), изучающий резервные возможности человека в период максимальных нагрузок.

— На севере и в пустыне, в условиях холода и жары учеными не раз проводились исследования человека в экстремальных ситуациях. Естественно, за смельчаками велось неустанный наблюдение. Чуть что — немедленно оказывалась помощь. Почему же вы выбрали зону своего исследования именно спорт?

— Вы уже частично ответили на свой

вопрос. Как раз осознание испытываемы того, что жизнь их вне опасности, что, если тяжело, можно отступить, мешало сделать достоверные выводы о пределах наших возможностей. А ведь именно здесь скрыты универсальные закономерности, общие для всех и для всех важные, полезные. Настоящие модели стрессовых ситуаций можно воссоздать в спорте. Рекордсмены, как правило, обладают такими качествами, как быстрота, ловкость, сила, гармония движений, которыми неплохо было бы наделить общество в целом. Но думать, что на примере спортсменов человечество узнает, какими физическими возможностями оно будет обладать завтра, неправильно.

Миллиарды никогда не достигнут рекордов Бубки и Власова, да и не нужно. Важно, что большой спорт — пока единственная модель деятельности, при которой на самом высоком уровне проявляется сочетание психических и физических сил, заложенных в нас природой. Здесь все важно: пульс, дыхание, движение руки и даже угол поворота головы. Отдельные, как будто созданные природой специально, люди с исключительными способностями — своего рода разведчики. Многие годы преодолевая сверхнагрузки, спортсмены легко «включают» аварийные механизмы своего организма. В них-то вся суть. И незачем каждому тысячу раз повторять их подвиг. Пусть лучше один найдет оптимальный вариант для всего человечества. Лучший вариант заложен в каждом!..

Комментарий журналиста. Неоднократный чемпион, рекордсмен страны в метании копья, Кузнецов как никто другой знает это. Он на себе изучал технику броска копьей...

Колоссальных усилий стоило достичь броска на 70 метров — тут одни законы, через годы труда покорилась 80-метровая отметка — там уже совсем другие. Никаких общих закономерностей выявлено не было. И только когда копьё, брошенное будущим профессором, вонзилось в землю на рекордной отметке 85 метров 64 сантиметра, удалось найти общие законы движения, реализации человеческих возможностей. Было положено начало «закона рациональности». Он сводится к тому, что в момент сверхнагрузки, когда мышцы и нервы напряжены до предела, организм не может позволить себе неоправданных действий и «выдает» оптимальный вариант с наименьшими энергозатратами. Каждое движение диктуется строгой необходимостью, оно предельно рационально, и для этого включаются скрытые в обычной обстановке резервы...

Профессор показал мне не совсем обычный спортивный зал. Спортсмены в нем бегают, прыгают, метают копьё. Но только копьё после броска остается на месте. Оно закреплено на специальных стойках, снабженных целой системой амортизаторов, так, чтобы заставить метателя выполнить бросок единственным необходимым для победы способом. Сила, приложенная к копьё, фиксируется, и ЭВМ сообщает возможный результат. Тренажер помогает спортсмену последовательно, в строго определенном порядке, включать в работу мышцы рук, плеча, ног, спины. Вообще-то, чтобы бросить копьё, достаточно участия 5—6 мышц, но чтобы достичь рекорда, в работу должны включиться семьдесят, это диктует «закон рациональности».

Подобным образом в институте был в свое время спрогнозирован прыжок Яценко. В эксперименте были использованы хитроумные качели, состоящие из системы рычагов и противовесов, с тяжелой штангой под сиденьем. Яценко раскачивался на качелях, отталкиваясь ногой от вертикально укрепленной платформы, а штанги-противовесы создавали определенную резонансную нагрузку на ноги. Толчок — и ЭВМ мгновенно фиксировала: время — 0,139 секунды, усилие на опору — 730 килограммов. А это значит, что на толчковую ногу спортсмену удалось развить усилие, чтобы взять ре-

кордную высоту — 250 сантиметров. Это при условии идеального перехода через планку. Качели заставили его оттолкнуться единственно возможным для достижения цели образом, и, что особенно важно, помогли спортсмену поверить в свою высоту.

Увы, большинство людей просто не умеет прыгать, точно так же, как младенец не умеет ходить. Им нужно научиться использовать свои мышцы, которые очень часто работают «вхолостую», а мы об этом и не догадываемся...

— Владимир Васильевич, сможет ли наука, базирующаяся на спорте, помочь нам в работе, в повседневной жизни?

— Спорт — лишь точка отсчета. Существует более 70 видов спорта, которые копируют работу различных систем организма человека, занятого в одной из 6 тысяч профессий. Не зря давно вошло в привычку связывать, например, шахматы с логическим мышлением, которое необходимо и математику, и физику. Точным и быстрым движениям рук теннисистов позавидует любой хирург и швея. И если изучить законы стремительных движений спортсменов, можно сформировать подобные навыки и у хирургов, разработав для них соответствующую методику «скорости». Если проследить в лабораторных условиях систему умозаключений того же шахматиста, можно помочь сделать открытие химии. Словом, у спортсменов мы можем позаимствовать оптимальные приемы выполнения любых операций.

— Не предполагает ли «оптимизация» какие-то завышенные требования, выполнить которые под силу только суперменам?

— Во все нет. Энергии будет затрачиваться значительно меньше. Резервы деятельности откроются не за счет мышечной силы, а путем оттачивания профессиональных навыков. Дело в том, что корни антропомаксимологии лежат в основе нормальной работы нашего организма. Давно известно, что наше сердце работает с максимальной нагрузкой. Даже во время сна сердечная мышца «напрягается» сильнее, чем мышцы бегуна-спринтера. Уменьшается лишь частота сердечных сокращений. В чем тут секрет? Отгадка в соотношении работы и отдыха: три к пяти — это универсальный общечеловеческий закон, по которому бьется сердце. А значит, в этом направлении надо вести исследования. Ведь для каждой профессии обязательно должны существовать свои соотношения работы и отдыха, при которых результат станет наилучшим. Но это только начало. Придет время, и благодаря антропомаксимологии мы сможем помочь каждому юному человеку сделать выбор, в каком роде деятельности он принесет максимальную пользу обществу. Ведь частенько случается, что любимое чадо непременно учат рисовать. А у ребенка, скажем, незаурядные музыкальные способности. Или наоборот: с пеленок вручают скрипку, когда он природный конструктор. Система тестов, изучение затрат умственной и физической энергии ребенком в той или иной деятельности, оценка эмоций, которые вызывает определенная работа, помогут отгадать призвание человека. Так что антропомаксимология закладывает фундамент развития творческих и трудовых способностей личности.

— Наверное, каждому хочется поскорее закончить учиться, чтобы наконец приступить к главному... Но не каждый, к сожалению, наделен способностями Карла Брюллова, поступившего в Академию художеств в девять лет, Эдисона, еще подростком сделавшего свои первые открытия, или Моцарта, чья музыкальная одаренность проявилась в три года...

— Здесь опять же необходимо хоть на мгновение отказаться от привычных канонов. И идти от главного к второстепенному, делая самое сложное простым и понятным с самого начала. Как во время войны, когда морзянке обучали, начиная со скорости приема и передачи ста знаков в минуту. Овладев вершиной, не нужно прорабатывать детали. Они приходят сами собой. Именно этот прием используется сегодня в обучении машинистки за четыре дня. Главное — научить человека сознательно включать резервы. Над этим-то мы и работаем.

Комментарий журналиста. Результаты работ ученых в этом направлении я испытала на себе. Срочно нужно было освоить французский язык. Мне посоветовали идти в университет, где только что организована группа, занимающаяся по методике Кузнецова: за три месяца учат говорить... Я недолго думая отправилась на занятия и в первые минуты пожалела. Буквально с порога меня засыпали неведомыми фразами. Учительница разводила руками, рисовала на доске, судя по интонации, что-то спрашивала, требовала ответа. Я почувствовала, как у меня на лбу от напряжения выступают капли пота. Почему-то было очень стыдно. На меня со всех сторон смотрели студенты и ждали ответа, а я не понимала... И вдруг, словно что-то включилось: в голове стали всплывать отрывки фраз, произносимых преподавателем. Оказывается, в самих ее вопросах были зашифрованы ответы. И если ты «догадывался», как их расшифровать, фраза намертво врезалась в память. Потом на протяжении многих дней мне снились звуковые сны: я говорила, знакомилась, спорила, пела, читала стихи по-французски, мозг десятки раз прокручивал за ночь дневной материал. А через три месяца я заговорила...

— Владимир Васильевич, я овладела французским языком благодаря вашей методике, но иностранный язык лежит как бы в стороне от других наук. А можно ли с помощью АМЛ освоить совершенно новую для себя область знаний?

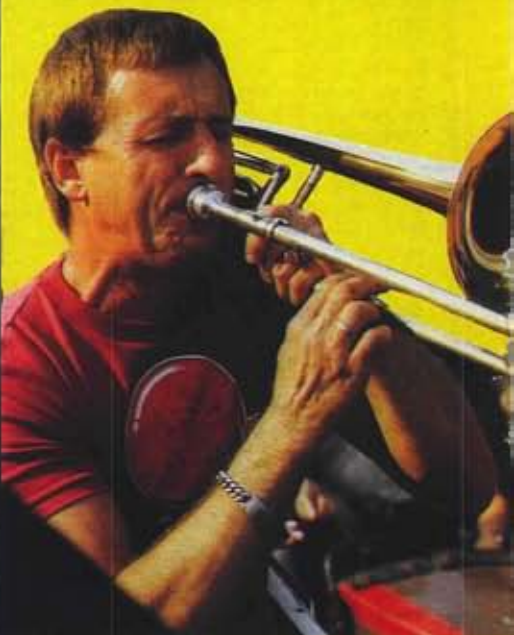
— Безусловно. Именно для этого мы и существуем. Одна из наших целей — ускоренное обучение. В самом деле, например, в спорте относительно высокого результата новичок может сейчас добиться за считанные недели благодаря рекомендациям АМЛ. Так почему бы не распространить подобные методы на системы профтехобразования и высшего образования. Кстати, тот факт, что за три года пребывания в училище человек получает всего лишь четвертый разряд — тревожный сигнал для антропомаксимологов. Мы считаем, что за этот период можно достигнуть куда более высокой квалификации.

— Владимир Васильевич, недавно я увидела международный знак АМЛ. Идея понятна: разламывая деревянную колоду, человек вырывается на волю. Но здесь спортом и не пахнет, хотя началось все с него.

— Ничего удивительного. Мы работаем на будущее. Завтра не останется такой области человеческой деятельности, в которой не понадобятся наши исследования... Повторю, смысл спортивных рекордов — открытие универсальных законов, которые помогут нормальному человеку в нужное время реализовывать все свои резервы. Каждый сможет «вырваться» за пределы средней биологических норм и, не переступая допустимого для организма порога, в любой области быть талантливым, на любой работе трудиться в полную силу.

Величина которой пока неизвестна.

СМЕЯ

По проспекту гарцевали холеные кони с нарядными всадниками в седлах, на площади среди кружащихся в вальсе пар мелькали лиса Алиса и кот Базилио, рядом с эстрадой в парке можно было увидеть Змея Горыныча, слушающего выступление духового оркестра, по одной из улиц плыли... байдарики на колесах — чудеса да и только! А происходят они в подмосковном городе Зеленограде. Тысячи его молодых жителей в последние выходные июня становятся участниками и зрителями традиционного карнавала, проводимого райкомом комсомола.

Рассказывает второй секретарь Зеленоградского райкома ВЛКСМ Алексей Михальченков:

— Для нас карнавал — это экзамен, своего рода отчет о работе комсомольского актива по организации досуга

СВОИМ

И РУЖАНИ

молодежи. Клуб самодеятельной песни, городской туристский клуб, а всего полтора десятка различных самодеятельных творческих объединений принимают участие в подготовке и проведении праздника. В последнее время у нас идет прямо-таки лавинообразный процесс создания новых клубов. Строить для них специальные помещения нет возможности, и клубы открываются, как правило, в заново отремонтированных подвалах жилых зданий и торговых центров. Пытаемся вводить в их работу хозрасчетные начала. Так, на базе дискотеки «Резонанс» возник хозрасчетный клуб-кафе. Его идея — привлечь к совместному отдыху людей разных возрастов. Вот бы и нашему карнавалу, как этому клубу, перейти на самоокупаемость. — мечтает Алексей, — ведь пока деньги на его проведение выделяют предприятия. Найдено, мне кажется, вполне разумное решение: создать самоокупаемый районный молодежный центр по организации досуга. Средства будут отчисляться от различных платных мероприятий: вечеров отдыха, концертов, дискотек и так далее. И что очень важно, центр получит возможность распоряжаться деньгами...

По существующим правилам райком комсомола практически лишен возможности проводить платные мероприятия и пользоваться доходом от них. Как-то крохи выбиваются всеми правдами и неправдами, но ведь это не выход.

Взять тот же карнавал, — продолжает Михальченков. — Аренда одного радиодифференцированного автобуса обходится в сумму около пятисот рублей. Приглашаем в гости самодеятельные коллективы из Москвы — хоть раз людей накормить надо? Наконец, очень нуждаемся в помощи профессионального режиссера. Словом, молодежный центр позволил бы не только координировать работу по организации досуга в городе, но и решить массу хозяйственных проблем.

Очень жаль, что разумная эта идея пока остается только идеей. Московский городской совет профессиональных союзов не спешит поддержать инициативу зеленоградцев...

У каждого города, большого и самого малого, своя индивидуальность. И не только во внешнем облике, в архитектуре. Люди, их настроение в будни и праздники — это тоже лицо города. А веселое народное празднество — своя яркая краска в общую палитру.

...Заканчивался очередной зеленоградский карнавал. На глади пруда в городском парке загорелись огромные буквы: «КАРНАВАЛ». В небе повисли яркие парашюты фейерверка. Отсалютовали столько раз, сколько лет Зеленограду. А ему нет еще и тридцати...

Концерты самодеятельных артистов, праздничные шествия, конкурсы, веселые соревнования — все это карнавал в Зеленограде.

Валерий САПУНОВ.

Фото
Елены ГЛАЗАЧЕВОЙ

Продолжаем публикацию цикла стихов известной советской поэтессы, начатую в первом номере журнала.

БЕМА АХМАДУЛИНА

СВЕТИЛЬНИК

Зачем он ходит? Я люблю одна
быть у луны на службе обожанья.
Одною мной растрчена луна.
Три дня назад она была большая.

Ее размер не мною был возвращен.
Мы свиделись — она была огромна.
Я неусыпным выпила зрачком
треть совершенно полного объема.

Я извела луну на пустыаки.
Беспечен ум, когда безумны ноги.
Шесть километров вдоль одной строки:
бег-бред ночной по Паршинской дороге.

Вчера бочком вошла в мое окно.
Где часть ее — вдруг лучшая? Неужто
все это я? Не жег другой никто
ее всю ночь, не дожигал на утро.

Боюсь узнать в апреля первый день,
что станется с ее недавней статью.
Так изнуряет издали злодей
невинность черт к ним обращенной страстью.

Он только смотрит — в церкви, на балу.
Молитвенник иль веер упадает
из дрожи рук. Не дав им на полу
и миг побыть, ее жених страдает.

Он смотрит, смотрит — сквозь отверстие стен,
в кисейный мир, за возбраненный полог.
В лик непорочный многознанья тень
привнесена. Что с ней — она не помнит.

Он смотрит. Как осунулось лицо.
И как худа. В нем — холодок свободы.
Вот жениху возвращено кольцо.
Все кончено. Ее везут на воды.

Оплачу вкратце косвенный сюжет,
наскучив им. Он к делу не пригоден.
Я жду луну и завожу брегет.
Зачем ко мне он все-таки приходит?

— Кто к Вам приходит? И брегет при чем?
— А Вы-то кто? Вас нет, и не пристало
Вам задавать вопросы. Кто прочел
заране то, чего не написала?

Придуман мною лишь этот оппонент.
Нет у меня загадок без разгадок.
Живой и часто плачущий предмет —
брегет — мне добрый подарил Рязанов.

Приходит же... Не бил ли он собак?
Он пустомелит, я храню молчанье.
Но пес во мне, хоть принужден солгать,
загрявок дыбит и таит рычанье.

О нет, не преступаю я границ
приличья, но разросшийся вокруг сердца
ветвистый самовластный организм
не переносит этого соседства.

Идет! Часов непрочный голосок
берет он в руки. Бедный мой брегетик!
Я надвигаю тучу на восток,
чтоб он луны хотя бы не приметил.

И падает, и гибнет мой брегет!
Луны моей сообщник и помощник,
он распевал всегда под лунный свет,
он был — как я, такой же полуночник.

Виновник так подавлен и смущен,
что я ему прощаю незадачу.
Удостоверюсь, что сосед ушел,
смеюсь над тем, как безутешно плачу.

В запасе есть не певчие часы.
Двенадцать ровно — и нисколько пеня.
И нет луны, хоть небеса ясны.
Как грубо шутит первый день апреля!

Пускаюсь в путь обычный. Ход планет
весь помещен над Паршинской дорогой.
В час пополуночи иду по ней,
строки вот этой спутник одинокий.

Вот здесь, при мне, живет мое «всегда».
В нем погостить при жизни — редкий случай.
Смотрю извне, как из небес звезда,
на сей свой миг, еще живой и сущий.

Так странен и торжествен этот путь,
как будто он принадлежит чему-то
запретному: дозволено взглянуть,
но велено не разгласить под утро.

Иду домой. Нимало нет луны.
А что ж герой бессвязного рассказа?
Здесь взгорье есть. С него глаза длинны.
Гость с комнатой моею не расстался.

Вон мой огонь. Под ним — мои стихи.
Вон силуэт читателя ночного.
Он, значит, до какой дошел строки?
Двенадцать было. Стало полвторого.

Ау! Но Вы обидеться могли
на мой ответ придвинутым планетам.
Вас занимают выдумки мои?
Но как смешно,
что дело только в этом.

Простите мне! Стихи всегда приврут.
До тайн каких Вы ищите дознаться?
Расстанемся, мой простодушный друг,
в стихах — навеки, а наяву — до завтра.

Семь грустных дней безлунно моему.
Брежет молчит. В природе — дождь и холод.
И так темно, так боязно уму.
А где сосед? Зачем он не приходит?

Такая пала на душу метель:
ослепли в ней и заплутали кони.
Я в эlegantный въехала мотель,
где и сижу в шезлонге на балконе.

Вот так-то, брат Ладыжинский овраг.
Я знаю силу твоего week-end'a,
но здесь такой у барменов аврал,—
прости, что говорю интеллигентно.

Въезжает в зренье новый лимузин,
Всяк флаг охоч до нашего простора.
Отечество юлит и лебесит:
Алешки — ладно, но и Льва Толстого.

О, бедное Отечество, прости!
Не всё ж гордиться и грозить чумою.
Ты приворотным зельем обольсти
гостей желанных — пусть тряхнут мошною.

С чего я начала? Шезлонг? Лонгшез?
Как ни скажи — а все сидеть тоскливо.
Но сколько финнов! Уж не все ли здесь,
где нет иль мало Финского залива?

Не то, что он отсутствует совсем,
но обитает за глухой оградой.
Мне нравится таинственный сосед,
невидимый, но свежий и отрадный.

Его привет щекою и плечом
приму — и вновь затворничаем оба.
Но — Финский он. Я — вовсе ни при чем,
хоть почитатель финского народа.

Не мне судить: повсюду и всегда,
иль только здесь, где кемпинг и суббота,
присуща людям яркая черта
той красоты, когда душа свободна.

Да и не так уж скрытен их язык.
Коль придан Вакху некий бог обратный,
они весь день кричат ему: «Изыдь!»,
не размыкая рюмок и объятий.

Но и моя вдруг засверкала жизнь.
Содержат трех медведиц при мотеле.
Неволью стала с ними я дружить,
на что туристы с радостью глядели.

Поэт. Медведь. Все — детское «Ура!».
Мы шествуем с медведицей моею.
Не обессудь, великая страна,
тебя я прославляю, как умею.

Какой успех! Какая благодать!
Аттракционом и смешным, и редким
могли бы мы валюту добывать
столь нужную — да возбранил директор.

Что делать дале? Я живу легко.
Событий — нет. Занятия — невинны.
Но в баре, глянув на мое лицо,
вдруг на мгновенье умолкают финны.

Где Питкяранта? Житель питкярантский
собрался в путь. Автобус дребезжит.
Мой тайный глаз, живущий под корягой,
автобуса оглядывает жизнь.

Пока стоим. Не поспешает к цели
сквозной принит скитальцев и сирот.
И силуэт старинной финской церкви
в проеме арки скорбно предстает.

Грейпфрут — добыча многих. Продавала
торговли придурь неуместный плод.
Эх, Сердоболь, эх, город Сортавала!
Нюх отворен и пришлый запах пьет.

Всех обликов так скудно выраженье,
так загнан взгляд и неказиста стать,
словно они эпоху Возрожденья
должны опровергать и попирать.

В дверь, впопыхах, три девушки скакнули.
Две первые пригожи, хоть грубы.
Содеяли уроки физкультуры
их наливные руки, плечи, лбы.

Но простодушна их живая юность,
добротна плоть, и дело лишь за тем
(он, кстати, рядом), кто зрачков угрюмость
примерит к зову их дремотных тел.

Поехали! И свалки мимолетность
пронзает вдруг единством и родством:
котомки, тетки, дети, чей-то локоть —
спасемся ль, коль друг в друга прорастем?

Гремим и едем. Хвойными грядами
обеждено сверканье воды.
На всех балконах — рыбьих душ гирлянды.
Фиалки скал издадека видны.

Проносится роскошный дух грейпфрута,
словно гуляка, что тряхнул мошной.
Я озираю, мучась и ревнуя,
сокровища черемухи сплошной.

Но что мне в этой, бледно-белой, блеклой,
с кульками и бутылками в руках?
Взор, слабоумно-чистый и далекий,
оставит грамотея в дураках.

Ее толкают: — Танька! — дремлет Танька,
но сумку держит цепкостью зверька.
Блаженной, древней исподволи тайна
расширила бессмыслицу зрачка.

Должно быть, снимок есть на этажерке:
в огромной кофте Танька лет пяти.
Готовность к жалкой и неясной жертве
в чертах приметна и сбылась почти.

Да, этажерка с розаном, каморка.
В таких стенах роль сумки велика.
Брезгливого и жуткого кого-то
в свой час хмельной и Танька завлекла.

Подружек ждет обнимка танцплощадки,
особый смех, прищуриванье глаз.
Они уйдут. А Таньке нет пощады.
Пусть мается — знать, в мае родилась.

С утра не сыщется маковой росинки.
Окурки, стужа, лютая кровать.
Как размыкать ей белые ресницы?
Как миг снести и век провековать?

Мне — выходить. Навек я Таньку брошу.
Но все она стоит передо мной.
С особенной тоской я вижу брошку:
юродивый цветочек жестяной.

Мне Звездкин говорил, что он в меня влюблен.
Он так и полагал, поскольку люто-свежий
к нам вечер шел с Оки. А все же это он
мне веточку, принес черемухи расцветшей.

В Ладыжине, куда он часто уходил,
чтобы ослабить мысль любви не разделенной,
черемухи цветков, пока еще один,
очнулся и глядел на белый свет зеленый.

За то и сорван был, что прежде всех расцвел,
с кем словно не в родстве,
а в сдержанном соседстве.
Зачем чужой любви сторонний производ
летает мимо нас, но уязвляет сердце?

Уехал Звездкин вдруг, единственный эту
не дописав. В сердцах порвал его — и ладно.
Он, говорят, — талант, а таковые — пьют.
Лишь гений здрав и трезв,
хоть и не чужд таланта.

Со Звездкиным едва ль мы свидимся в Москве.
Как робкая душа погибшего эту
таинственный цветок белеет в темноте
и Звездкину вослед еще глядит отсюда.

Власть веточки моей в ночи так велика,
так зрим печальный чад. И на исходе суток
содеян воздух весь энергией цветка,
и что мои слова, как не его поступок?

Рисунки Али Виноградова

ПОИСК

ВО ИМЯ ЧЕГО?

Беседа за «круглым столом» с участниками Всесоюзной выставки молодых художников «Молодость страны», посвященной XX съезду ВЛКСМ

Они расположились буквально по соседству — Кремлевский Дворец съездов, где проходил XX съезд комсомола, и Выставочный зал Манежа, где открылась главная молодежная выставка страны. Какую роль способна взять на себя молодежь в охватившем всю страну процессе перестройки? Вот, пожалуй, наиболее актуальный вопрос съезда. И такой же вопрос задают посетители выставки.

Ее организаторы — Министерство культуры СССР, Союз художников СССР, Академия художеств СССР и ЦК ВЛКСМ. Перед выставочным (председатель — народный художник СССР Таир Салахов) стояла сложная задача просмотреть около 6000 работ молодых художников из всех союзных и автономных республик. На этот раз больше половины представленных работ были приняты: и более 2000 вошли в экспозицию, что вдвое превысило обычную норму.

Выставка отличается от предыдущих не только желанием показать «как можно больше» (ведь впервые в Манеже работы были развешены в два ряда),

но и представить разнообразие художественного видения. Практически всем существующим сегодня направлениям — критический реализм, традиционный реализм, художественный эксперимент, экспрессионизм, примитив, авангард — нашлось место в экспозиции.

Корр. Надежды, возлагаемые зрителями на Всесоюзную выставку, — следствие «сюрприза», преподнесенного вами в конце прошлого года. XVII молодежная выставка московских художников на Кузнецком мосту, вызвавшая массу споров и неожиданно большой наплыв зрителей, открыла новые имена и «закрывает» старые представления о возможностях выставочного дела. Каким будет следующий шаг?

Сергей Манцеров, 29 лет, третьекурсник Московского высшего художественно-промышленного училища. «Молодость страны» — первая в его жизни выставка. По-моему, он уже сделан. Мои работы приняли, не спрашивая справок с места учебы, не сверяясь с мнением администрации училища. Не думал, что такое возможно.

Сергей Стародубцев, 35 лет, член Союза художников СССР, окончил

Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени Мухомовой, участник нескольких Всесоюзных выставок. Раньше было как? Сначала спрашивали, у кого учиться «претендент». Потом выясняли, кому из членов выставочного комитета знакомы его работы. А сами работы смотрели в последнюю очередь, и то не всегда. Просто руки опускались от такого «отбора»!

Максим Кантор, 29 лет, член молодежного объединения при Московской организации Союза художников, окончил Московский полиграфический институт, участник пяти выставок, во Всесоюзной участвует впервые. Пора дать художнику право самому отвечать за свои работы. В этом смысле тоже сделан определенный шаг. На недавней выставке на Каширской вообще не было никакого выставочного комитета. Просто было создано творческое объединение единомышленников, в котором каждый имел равные права и равную выставочную площадь.

Альгис Бигузас, 28 лет, член молодежного объединения при Союзе художников Литвы, окончил Литовский

государственный художественный институт, участник десяти республиканских выставок, во Всесоюзной участвует впервые. Я не видел выставок на Кузнецком и на Каширской — только слышал о них. Но в подготовке республиканской выставки мы пошли примерно тем же путем. Объединение избрало свой оргкомитет. Потом именно с этой выставки, а не откуда-нибудь со стороны Министерство культуры отбирало работы для Всесоюзной. Такой опыт — первый. Не скажу, что он обернулся полным отсутствием конфликтов. Отказывать хорошо знакомым людям, сверстникам оказалось очень трудно.

Корр. Вот видите, отсутствие оргкомитета или «свой» оргкомитет не панацея. Скорее, временная мера. Конфликтов избежать все равно не удастся, и все равно кто-то вынужден оставаться «за дверями».

А. Бигузас. Так это творческие конфликты, а не закулисные интриги!

Лев Табенкин, 34 года, член СХ СССР, окончил Московский полиграфический институт, участник нескольких десятков выставок, во Всесоюзной участвует впервые.

Х. Пуур. Детство.

С. Шерстюк. Открытие.

С. Бочаров. Первый поезд.

И. Козлов. Художник Р. Куприашвили.

Очень важно точно определить дистанцию от картины до зрителя.

Участники выставки писали портреты делегатов XX съезда ВЛКСМ.

Нельзя недооценивать право художника на личную ответственность за свое творчество. XVII молодежную отличал от многих других стойкий энтузиазм ее участников, рожденный этим правом. Сейчас на Кузнецком — весенняя выставка МОСХа, которая не сильно отличается от молодежной по стилистике. Однако она не стала событием. Но... никому не придет в голову упрекать за это ее организаторов или участников. А мы рисковали.

Корр. И наиболее активно поддержали вас в риске зрители. Те самые, которых вы обычно обвиняете в потребительском отношении к искусству, отсутствии должной подготовки и доброжелательности. Но и вам не худо бы предпринять какие-то шаги навстречу зрителю.

А. Бигузас. Для этого нужна трибуна. Не будешь же вылавливать зрителей на улице и затаскивать в мастерскую.

Алексей Сундуков, 35 лет, член СХ СССР, окончил МВХПУ, участник пятнадцати выставок, во Всесоюзной участвует впервые. Иногда складывается впечатление, что потеря влияния изобразительного искусства на

зрителя — процесс запланированный и последовательно реализуемый. Зайдите в новое здание Третьяковки на Крымском валу. Современное искусство представлено там огромным количеством огромных полотен. А зрители... вообще не представлены. Как в пустыне, честное слово! Эти работы покупали не год и не два. И не «кто-нибудь», а Худфонд — подразделение Союза художников. Для кого, спрашивается? Нет, я не призываю именно эти картины снять и какие-либо другие, по своему выбору, повесить. Но если, пусть временно, поместить с ними рядом образцы современных художников или, наоборот, работы изрядно подзабытых художников 20-х годов, экспозиция приобрела бы публицистический заряд. Зрители поневоле сравнивали бы, спорили.

Корр. Вам не кажется, что мы больше говорим о способах демонстрации произведений искусства, нежели о них самих? Сейчас время нового осмысления истории и современности, время новых, реалистичных прогнозов, время снятия «запретных тем». Неужели оно не отразилось на вашем творчестве?

Л. Табенкин. Я лично с опаской от-

ношусь к художникам, с готовностью «откликающимся» на требования времени. Что ж поделать, бывают времена, когда одни пишут «в стол», а другие жалуются на запреты.

Виктор Татаренко, 35 лет, член СХ СССР, окончил ЛВХПУ имени Мухоминой, участник Всесоюзных выставок. Монументальное искусство требует огромных затрат, большого числа рабочих рук, массового восприятия. Иными словами, социального заказа. И здесь компромиссы оборачиваются обилием плакатных, схематичных монументов и почти полным отсутствием проблемных работ. Эта проблема практически не тронута. Чтобы она сдвинулась с мертвой точки, должны измениться критерии социального заказа.

Корр. «Должны измениться» — звучит безлико. Может быть, «должны изменить»? И не кто-нибудь, а вы?

В. Татаренко. Менять порядки может человек, так или иначе себя заявивший. Сейчас можно найти активные способы подачи «заявления»: например, через любительские объединения. Но они идут как бы помимо Союза художников.

Л. Табенкин. То, что на выставках соседствуют совершенно разные жанры, стили и взгляды, — реальное достижение демократизации искусства. Вполне допускаю: то, что не нравится мне на Всесоюзной выставке, понравится многим. И наоборот: многим не понравятся мои работы и кого-то из присутствующих здесь. Но такое соседство предполагает дискуссию открытую, а не кейную. И борьбу творческую, а не административную. Надо признать, что пользоваться такой возможностью мы пока не умеем.

М. Кантор. Прекрасно, что вышел фильм «Покаяние»! Но если он станет стереотипом покаяния, если вся страна покается в одном фильме, то, глядишь, немедленно объявятся генералы от покаяния и превратят фильм в догму. В искусстве нет иного средства против иерархии, кроме постоянной смены кумиров, направлений, порядков. Я не верю в шедевры, рожденные спокойным, незлыблемо уверенным в себе человеком. Я верю в борьбу.

«Круглый стол» вел Андрей ВАСИЛЬЕВ.

СИМУЭТЫ

Лев ОЗЕРОВ

БАТЮШКОВ

СКАЗКА О ТРОЙКЕ

В славном Китежграде герои народных сказок, легенд, мифов и преданий чувствуют себя так же свободно и вольготно, как и герои Рабле, как и вымышленные персонажи, хорошо известные каждому из нас из опыта своей жизни, полной проблем, забот, борьбы, требующей поступков и веры в свои силы...

Китежград и его обитатели знакомы многим читателям по популярной повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» (изд-во «Детская литература», 1979 г.), по телефильму «Чародеи», снятому по их сценарию. «Сказка о Тройке» — продолжение повести «Понедельник начинается в субботу», герои которой и здесь не вешают нос, столкнувшись с глупостью и пошлостью, но с весельем и отвагой вступают в отчаянную схватку с ними.

В лукавом и потешном сказочном обличье, в карнавальном круговороте фантазмагорических персонажей и ситуаций предстает перед нами противоборство молодых творческих сил с бюрократическим консерватизмом, громыхающим столь хорошо знакомым всем нам привычным набором фраз, штампов, бесплодных резолюций, продиктованных единственным желанием запретить все необычное, живое, свежее, плодотворное.

Сказка весело и заразительно смеется над этими отжившими свое застойными явлениями, борьба с которыми в наши дни приобрела такую остроту и значение.

«Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Уроки «Сказки о Тройке» очевидны и не подлежат сомнению. Жизнь не остановить, это не по силам никаким параграфам и регламентациям, она идет вперед, движимая усилиями людей, полных сил, замыслов и веселой отваги.

Актуальность этого произведения, его ненавязчивое, изящное остроумие, пронизанный бодростью и оптимизмом юмор наверняка привлекут к сказке-сатире внимание читателей, и прежде всего молодых, кому хочется пожелать идти по жизни с отважным весельем.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мы сидели на травке в пыльном скверике под окнами заводского управления и переваривали обед — каждый по-своему. Федя читал «Китежградские новости», медленно ведя по строчкам черным неразгибающимся пальцем; мрачный Витька Корнеев лелеял бушевавшие его черные замыслы; Эдик Амперян спрашивал, Роман Ойра-Ойра отвечал; а я, не теряя драгоценного времени, загорал себе подмышки. Комаров и слепней поблизости не было, они тоже, вероятно, переваривали обед.

Внизу под обрывом величественно несла в своих хрустальных струях ядовито-оранжевые сточные воды прохладная Китежа. На другом берегу сладко томилась под солнцем заливные луга. По ровной желтой насыпи, выбрасывая белые дымки, полз игрушечный поезд. На горизонте в парном мареве синела зубчатая кромка далекого леса. Над серыми башнями Старой крепости, сверкая солнечными зайчиками, совершало эволюции небольшое летающее блюдце.

Окна заводского управления были раскрыты, и слышно было, как пишущие машинки вяло и неуверительно отвечают на энергичные напористые очереди бухгалтерских «рейнметаллов». Зажмурившись, можно было легко представить себя в районе боев местного значения. В полуподвале управления, подчиняясь сложному ритму, вдвойне и тяжело грохали печатающие механизмы табуляторов. Пикирующими бомбардировщиками визжали и завывали на складе циркулярные пилы. По бомбардировщикам выпускали обойму за обоймой скорострельные пневматические молотки. В ремонтных мастерских, устрашающе лязгая гусеницами, разворачивались танки, а где-то в цехах дальноточно ухал паровой молот. Кроме того, у ворот склада разгружали машину листового железа — звуки были сочные, военные, но я не мог подобрать для них удовлетворительную аналогию.

— А это что за развалина? — спрашивал Эдик.

— А это Старый Китежград, — отвечал Роман.

— Тот самый?

— Тот самый. Двенадцатый век.

— А почему только две башни? — спросил Эдик.

Аркадий
СТРУГАЦКИЙ,
Борис
СТРУГАЦКИЙ

Роман объяснил ему, что до осады было четыре: Кикимора, Аукалка, Плюнь-Ядовитая и Уголовница. Годзилла прожег стену между Аукалкой и Уголовницей, ворвался во двор и вышел защитникам в тыл. Однако был он дубина, по слухам — самый здоровенный и самый глупый из четырехглавых драконов. В тактике он не разбирался и не хотел, а потому, вместо того чтобы сосредоточенными ударами сокрушить одну башню за другой, кинулся на все четыре сразу, благо голов как раз хватало. В осаде же сидела нечисть бывалая и самоотверженная, братья Разбойники сидели, Соловей Одишмантьевич и Лягва Одишмантьевич, с ними Лихо Одноглазое, а также союзный злой дух Кончар по прозвищу Прыщ. И Годзилла, естественно, пострадал через дурость свою и жадность. Вначале, правда, ему повезло осилить Кончара, скорбного в тот день вирусным гриппом, и в Плюнь-Ядовитую алчно ворвался Годзиллов прихвостень Вампир Беовульф, который, впрочем, тут же прекратил военные действия и занялся пьянством и грабежами. Однако это был первый и единственный успех Годзиллы за всю кампанию. Соловей Одишмантьевич на пороге Аукалки дрался бешено и весело, не отступая ни на шаг. Лягва Одишмантьевич по малолетству отдал было первый этаж Кикиморы, но на втором закрепился, раскачал башню и обрушил ее вместе с собою на атаковавшую его голову в тот самый момент, когда хитрое и хладнокровное Лихо Одноглазое, заманившее правофланговую голову в селитряные подвалы Уголовницы, взорвало башню на воздух со всем содержимым. Лишившись половины голов, и без того недалекий Годзилла окончательно одурел, пометался по крепости, давая своих и чужих, и брыкаясь, кинулся в отступ. На том бой и окончился. Захмелевшего Беовульфа Соловей Одишмантьевич прикончил акустическим ударом, после чего сам скончался от множественных ожогов. Уцелевшие ведьмы, лешие, водяные, аукалки, кикиморы и домовые перебили деморализованных вурдалаков, троллей, гномов, сатиров, наяд и дриад и, лишенные отныне руководства, разбрелись в беспорядке по окрестным лесам. Что же касается дурака Годзиллы, то его занесло в большое болото, именуемое ныне Коровым Вязлом, где он вскорости и подох от газовой гангрены.

— Любопытно, — проговорил Эдик, разглядывая из-под ладони заросшие серые глыбы Аукалки и Плюнь-Ядовитой. — А вход туда свободный?
— Свободный, — ответил Роман. — За пятак.
— Жалко, — сказал Эдик. — Не успею я туда сходить.
Роман промолчал, а Витька Корнеев, отвлекшись от черных мыслей, посмотрел на Эдика с состраданием.
— А вот это блюдо? — спросил Эдик. — Это наше блюдо?
— Наверное, — сказал Роман. — Колонист какой-нибудь упражняется. Чтобы навыки не терять.
— А где сама Колония?
— В городском парке, вон на том конце города.
— Сходим? — предложил Эдик.
— Успеется, — сказал Роман.
Эдик посмотрел на часы.
— Четыре часа, — сказал он озабоченно. — До приема осталось всего час, но, может быть, успеем? А то пока разговоры, пока бумаги подпишут...
— Пока тебе подпишут здесь бумаги, шляпа ты фетровая, — сказал грубый Корнеев, — и пока кончатся все разговоры, ты здесь и накупаешься, и назагораешься, и на лыжах находишься, и женишься, и разведешься (Эдик посмотрел на него с изумлением), от Колонии тебя будет тошнить, от этих дурацких развалин тебя будет рвать...

— Что это с ним? — спросил Эдик, обращаясь к Роману. Роман, не говоря ни слова, повалился на спину и задрал ногу на ногу. Тогда Эдик поглядел на меня. Глаза у него были такие чистые, такие наивные, и весь он был такой нездешний, такой уверенный в могуществе разума, такой свеженький из своего отдела Личейного Счастья, еще пахнувший яблоками и детским смехом, такой избалованный — избалованный дружбой с умными и добрыми людьми, избалованный рациональностью и справедливостью, избалованный горным воздухом чистого знания... Витька и Роман тоже были такими две недели назад.
— Эдик, — ласково сказал я. — Ты намерен, я вижу, сегодня же вечером вернуться в Институт?
— Да, — сказал Эдик. — А что?
— И времени у тебя нет? Вся аппаратура готова, а завтра прямо с утра ты хочешь начать?
— Естественно...
— И тебе так не терпится начать, что ты просто не можешь позволить себе остаться здесь еще хотя бы на день, чтобы осмотреть Колонию?
— Д... да... Вообще, я бы с удовольствием, но... В чем дело?
— А внимательно осмотреть крепость? — спросил я.

— А поискать зубы Годзиллы, выбитые Соловьем Одишмантьевичем? — предложил Роман.
— И еще девочки, — сказал Витька с горечью. — Ух, какие девочки в Китежграде!
— Я не понимаю, ребята, — сказал Эдик. От обиды у него даже припухла нижняя губа. — Не смешно.
— Ты еще не знаешь, до чего все это не смешно, — сказал Роман. — Тебе вот даже не пришло в голову спросить, почему мы сидим здесь так долго — Саша уже второй месяц, а мы с Витькой третью неделю. Уж не стал ли ты, чего доброго, эгоистом?
— Ну как — почему... У Саши дела на заводе...
— А мы с Витькой?
— Ну... ну, я не знаю... В конце концов почему я должен был об этом думать?
— Эгоист! — сказал Роман, с грустью укрепляясь в этом ужасном предположении относительно Эдика. — Федя, полюбуйтесь, пожалуйте. Вот это эгоист. Видите, как выглядит эгоист?
Федя вздрогнул, поглядел на Эдика поверх газеты, мучительно засмутился и, поскольку обе руки у него были заняты, в полном смятии задрал правую ногу, снял пенсне и принял тереть линзы о штанину.
— По-моему... — пробормотал он. — Нет... Эгоист... Не может быть... Как же так...
— Спасибо, Федя, — сказал вежливый Эдик. — Это была шутка. — Он оглядел нас. — Вы хотите сказать, что здесь имеет место бюрократическая волокита, из-за которой я вынужден буду задержаться?
— Нет, — сказал я. — Нашей простой, многократно описанной и разоблаченной бюрократической волокитой здесь, к сожалению, и не пахнет.
— Волокита! — презрительно сказал Витька и сплюнул сквозь зубы на одувачник. Одувачник увял.
— Волокита... — мечтательно произнес Роман. — Волокита, Эдик, это, в сущности, прекрасно. Несешь, бывало, на подпись что-нибудь исходящее, а бухгалтер, шалун этакий, посылает тебя за визой к директору... Идешь к директору, а у директора, естественно, совещание, надобно подождать, садишься в кожаные кресла, пощечешь с референтом, полистаешь газету, возвращаешься к бухгалтеру, а бухгалтер, шалуниска, на обеде... Сидишь в кожаные кресла, пощечешь со счетоводом...
— Золотые люди, — сказал Витька. — День-два, и все готово...
— А здесь? — спросил Эдик с интересом.
— А здесь, Эдик, — сказал я, — ничего этого и в заводе нет. Здесь — ТПРУНЯ!
— Ну и что же? Я знаю.
— Ты знаешь, что такое ТПРУНЯ? — осведомился Роман.
— Знаю. Тройка По Распределению и Учету Необъяснимых Явлений.
Витька хрипло захохотал.
— Да, — сказал Роман, качая головой. — Распределение и учет. И как ты себе это представляешь?
— Я никак это себе не представляю. Зачем? Два месяца назад я подал заявку. Месяц назад меня любезно известили о том, что моя заявка зарегистрирована. Сегодня мне понадобился экспонат из Колонии необъяснимых явлений, и я за ним прибыл.
— Шалунишки! — вскричал вдруг Панург. — Учетчики-бухгалтеры! А между прочим, матриархат имеет свои преимущества! В Центральном московском бассейне некий гражданин поведился подныривать под купальщицу и хватать их за ноги. И вот одна из купальщиц, изловчившись, саданула его, нахального, ногой по голове. — Панург захохотал во все горло. — Она попала ему по челюсти, а сама вышла и отправилась одеваться. Проходит время, а нахального гражданина нет и нет. Вытащили его... — Панург снова захохотал. — Вытащили они его... Вытащили, понимаете, его, а он уже холодный! И челюсть сломана...
Все мы, кроме Эдика, тоже не могли удержаться от жуткого смеха, хотя я ощутил некий озноб, Роман поблблел лицом, а по шерстистому загривку Федя прошла волна. Витька же, отсмеявшись, сплюнул на анютины глазки и спросил Эдика:
— Понял?
— Не совсем, — сказал Эдик, рассматривая Панурга, утиравшего глаза шутковским коллаком.
— Не смешно тебе? — спросил Витька.
— Честно говоря, нет, — ответил Эдик.
— Ничего, привыкнешь, — пообещал Витька. — Время у тебя еще есть.
— Да, — сказал Роман. — Время у тебя теперь есть. Никогда в жизни у тебя не было так много времени. И я объясню тебе, почему. ТПРУНЯ, Эдик, не Тройка По Распределению и Учету. ТПРУНЯ, Эдик, это Тройка По Рационализации и Утилизации.
— Ну и что же? — спросил Эдик.
— Он воображает, будто ТПРУНЯ — это вроде кладовщика, — с сожалением сказал Роман, обращаясь ко мне и к Витьке. — Он воображает, будто стоит ему принести накладную, как он тут же получит все, что требует. Что есть ТПРУНЯ? — спросил он.
Я немедленно откликнулся:
— ТПРУНЯ есть авторитетный административный орган, неукоснительно и неослабно выполняющий свои функции и никогда не подменяющий собою других административных органов.

— Понял? — сказал Витька Эдику. — Кладовщик — это кладовщик, а ТПРУНЯ — это ТПРУНЯ.
— Позвольте, — сказал Эдик, но Роман продолжал:
— Что есть Рационализация?
— Рационализация, — мрачно ответил Витька, — это такая поганая дрянь, когда необъясненное возвышается или низводится авторитетными болванами до уровня повседневщины.
— Однако позвольте, — сказал смущенный Эдик.
— А что есть Утилизация? — спросил Роман.
— Утилизация, — сказал я Эдику, — есть признание или же категорическое непризнание за рационализированным явлением права на существование в нашем бренном реальном мире.
Эдик опять попытался что-то сказать, но Роман предупредил его:
— Могут ли решения Тройки быть обжалованы?
— Да, могут, — сказал я. — Но результаты не последуют.
— Как мордой об стол, — разъяснил Корнеев.
Эдик безмолвствовал. Выражение решительности и готовности к благородному протесту медленно сползло с его лица.
— Авторитетны ли для Тройки, — тоном провинциального адвоката спросил Роман, — рекомендации и пожелания заинтересованных лиц?
— Нет, не авторитетны, — сказал я. — Хотя и рассматриваются. В порядке поступления.
— Что есть заинтересованное... — начал Роман, но Эдик перебил его.
— Неужели Печать? — спросил он с ужасом.
— Да, — сказал Роман. — Увы.
— Большая?
— Очень большая, — сказал Роман.
— Ты такой еще не нюхал, — добавил Витька.
— И круглая?
— Зверски круглая, — сказал Роман. — Никаких шансов.
— Но позвольте, — сказал Эдик, с видимым усилием стараясь подавить растерянность. — Если, скажем... скажем, оквадратить? Скажем... э-э... преобразование Киврина — Опенгеймера?..
Роман покачал головой.
— Определитель Жемайтис равен нулю.
— Ты хочешь сказать — близок к нулю? Витька неприятно заржал.
— А то бы без тебя не догадались, — сказал он. — Равен, товарищ Амперян! Равен!
— Определитель Жемайтис равен нулю, — повторил Роман. — Плотность административного поля в каждой доступной точке превышает число Одина, административная устойчивость абсолютна, так что все условия теоремы о легальном воздействии выполняются...
— И мы с тобой сидим в глубокой потенциальной галоше, — закончил Витька.
Эдик был раздавлен. Он еще шевелил лапками, поводил усами и топорчил надкрыльями, но это были уже чисто рефлекторные действия. Некоторое время он открывал и закрывал рот, потом выхватил из воздуха роскошный блокнот с надписью «Делегату городской профсоюзной конференции» и принялся бешено стучить в нем, ломая и нетерпеливо восстанавливая грифель, потом вновь растворил в воздухе канцелярские принадлежности и принялся без всякого аппетита покусывать пальцы, бессмысленно тараща глаза на мирный пейзаж за рекой. Все молчали. Роман лежал на спине, задрал ногу на ногу, и, казалось, спал. Витька, вновь погрузившись в океан черных замыслов, шумно сопел и оплевывал окружающую природу ядовитой слюной. Не вынеся этого душераздирающего зрелища, я отвернулся и стал смотреть, как Федя читает.
Федя был существом мягким, добрым и деликатным, он был очень упорен. Чтение давалось ему с огромным трудом. Любой из нас уже давно бы отказался от дела, требующего таких усилий, и признал бы себя бесталанным и негодным. Но Федя был существом другой породы. Он грыз гранит, не жалея ни зубов, ни гранита. Он медленно вел палец по очередной строчке, подолгу задерживаясь на буквах «щ» и «ь», трудолюбиво покрывал, добросовестно шевелил большими серыми губами, длинными и гибкими, как у шимпанзе, и наткнувшись на точку с запятой, надолго замирал, собирав кожу на лбу в гармошку и судорожно подергивал далеко отставленными большими пальцами ног. Пока я смотрел на него, он добрался до слова «дезоксирибонуклеиновая», дважды попытался взять его с налету, не преуспев, применил слоговой метод, запутался, пересчитал буквы, затрепетал и робко посмотрел на меня. Пенсне косо и странно сидело на его широкой переносице.
— Дезоксирибонуклеиновая, — сказал я. — Это такая кислота. Дезоксирибонуклеиновая.
Он, жалко улыбаясь, поправил пенсне.

ТАИНЫ ВСЕХ ОКЕАНОВ

Андрей МОНИН,
член-корреспондент
АН СССР,
директор
Института океанологии

Андрей Сергеевич, в наше время океан рассматривается как неотъемлемая часть мирового хозяйства. Так, на сегодняшний день уже 60 тысяч транспортных судов с суммарным водоизмещением около 300 миллионов тонн ежегодно перевозят более трех миллиардов тонн грузов, то есть осуществляют 80 процентов всех перевозок на земном шаре. Океанские маршруты — самые дешевые и экономичные. Или: только за 1985 год в мире выловлено 80 миллионов тонн рыбы и морепродуктов (причем на долю СССР приходится 10,5 миллиона тонн)... Около 20 процентов пищевого белка человек уже сейчас берет из океана. В его недрах добывается почти 30 процентов нефти и газа. Однако, согласитесь, в целом деятельность человека в освоении Мирового океана нельзя назвать широкомасштабной и многоплановой. Более того, несмотря на научно-технический прогресс, мы в основном ограничиваемся лишь сбором «даров океана». Чем объясняется такая ситуация?

— Прежде всего тем, что Мировой океан еще мало изучен. Далеко не все его тайны раскрыты. Ведь океан — особая, чуждая человеку среда, проникнуть в которую невероятно сложно. Судите сами: солнечный свет проникает только на глубину до двухсот метров, а дальше — вечный мрак, холод. На каждые десять метров давление увеличивается на одну атмосферу, и на глубине, скажем, десяти километров оно равно тысяче атмосфер — чудовищная сила... Океан — агрессивная среда: ежегодно тонут сотни судов, гибнут люди. Поэтому познавать и осваивать океан не так-то просто. А как он изучается? Трудно поверить, но до сих пор нередко пользуемся дедовскими методами. Так,

чтобы узнать о характере дна, надо вслепую, допустим, на десятикилометровую глубину на тросах опустить драгу. При подъеме же она нередко обрывается или оказывается пустой... А на спуск и подъем драги требуется 12 часов... Если же вылавливаем глубоководных животных, то они предстают перед нами в деформированном виде. Получаем минимум информации. Немало проблем и в картографировании дна — белых пятен, еще предостаточно, и сегодня, как это ни странно, человечество больше знает о поверхности обратной стороны Луны, Марса или даже Меркурия, сфотографированных космическими аппаратами, чем о дне океана своей планеты. Не надо забывать, что Мировой океан занимает 71 процент площади Земли.

На исследования океана требуются колоссальные средства, специалисты, институты, хорошо оснащенный научно-исследовательский флот. А это не каждой стране под силу. Скажем, сейчас во всем мире насчитывается всего около 200 надводных научных судов, а подводных обитаемых аппаратов, способных погружаться на глубину более двух километров, несколько штук...

— Мы знаем, что океан — богатейший источник многих ресурсов...

— Ресурсы Мирового океана хоть и не безграничны, но настолько колоссальны, что человек пока не в силах их оценить и осмыслить. Но известно немало. Скажем, из минеральных ресурсов наиболее перспективны нефть, газ, железомарганцевые конкреции; некоторые микроэлементы морской воды, россыпи ряда ценных минералов. На дне прибрежной зоны моря — титан, цирконий, олово, алмазы... Если говорить о поисках, добыче нефти и газа (этим интенсивно занимаются более ста

стран), то к 2000 году будет завершено прогнозирование нефтегазоносности всех акваторий Мирового океана, а в перспективных районах — геофизические исследования, разведочное бурение структур.

У нас пробное бурение ведется в Баренцевом море. Возможно, перспективны мелководная зона Карского моря, Охотское и, конечно, Берингово моря, а затем и весь арктический шельф. Таким образом, советская академическая океанология выходит в Арктику. Морская добыча нефти и газа существенно расширится, охватит новые акватории и большие, чем ныне, глубины моря. На некоторых месторождениях она дойдет до одного километра.

Наш институт составил карты распространения на дне Мирового океана железомарганцевых конкреций, выявил закономерности изменения их состава и полагает, что конкреции — источник сырья XXI века, ибо они помимо прочего содержат никель, кобальт, молибден. По нашим подсчетам, этого сырья в океане не менее трех триллионов тонн.

— Цифра, безусловно, впечатляет. Но насколько известно, это сырье находится преимущественно на больших глубинах — до пяти километров. Каким же образом конкреции можно извлекать в промышленных масштабах?

— Современная техника уже сегодня позволяет изготовить необходимое оборудование для добычи конкреций со дна океана. Это возможно, к примеру, при помощи засасывающей гидравлики или донных бульдозеров, которые загружали бы замкнутую цепочку контейнеров. В ближайшие два-три года такие проекты будут составлены каждой страной, в том числе и СССР. А наиболее

перспективные участки дна для промышленной добычи конкреций, по видимому, будут подготовлены к 1990 году. Кроме того, недавно на глубине двух — четырех километров обнаружено нечто удивительное — черные курильщики: — гидротермальные источники, то есть настоящие подводные гейзеры с очень горячей водой (300—400 градусов по Цельсию) и выходящими осадками с высоким содержанием сульфидов цинка, меди, никеля, кобальта, золота. Представляете, в одном месте обнаружено 52 процента чистого цинка — не руда, а металл! Если сульфидных руд окажется много, то они будут представлять больший интерес, чем конкреции. Полностью же оценить распространенность сульфидных руд (при помощи обитаемых подводных аппаратов и буксируемых телефотоаппаратов) вряд ли удастся даже за 15 лет. Будут проводиться и поиски гидротермальных источников.

— Но если разработка океанских месторождений, добыча полезных ископаемых — дело перспективное, то как быть с проблемой биологических ресурсов? В начале беседы мы говорили, что за 1985 год выловлено 80 миллионов тонн рыбы и морепродуктов. Но это ведь критическая, чуть ли не предельная цифра, да и потребностей она не покрывает.

— Беда в том, что практически все страны стремятся ловить в больших количествах определенные традиционные виды рыб. К чему это может привести, мы знаем. Вспомним китов. За сто лет промысла добыто около двух миллионов голов. Китов полностью уничтожили в северном полушарии, резко истощены их запасы в южном. Человек сейчас рассматривает как свой продо-

вольственный и сырьевой ресурс менее двух тысяч видов морских рыб и животных, а в океане их — 180 тысяч видов! Из каждых десяти живых существ, обитающих на планете, восемь живут в океане. Подсчитано, что океан может стабильно давать около двух миллиардов тонн продовольствия в год. Очевидно, надо расширять ассортимент промысла. Очевидно и другое — следует переходить от свободной охоты к плановому рыбному хозяйству, держать на учете все крупные стада, активно воздействовать на них, проводить акклиматизацию ценных пород, промысловых и кормовых организмов, выращивать мальков, бороться с хищниками... В нашей стране уже создается математическое моделирование промысловых популяций. Но ведь эта проблема выходит за рамки института и даже страны. Тут надо решать международные правовые проблемы. Только в этом случае можно сохранить сегодняшние объекты промыслов и может быть, увеличить их на десятки процентов.

— Но ведь население планеты увеличивается куда стремительнее...

— Тут выход один — искать пути искусственного многократного повышения биологической продуктивности океана, подобно тому как человек не решил от собирания съедобных растений и охоты к культурному земледелию и животноводству. В прибрежных зонах такую задачу решают фермы аквакультуры, на которых, как на огородах, надо выращивать устрицы, мидии, жемчужницы... Потребуется, как на бройлерных птицефабриках, разводить крупную рыбу. Постепенно ассортимент животных и количество ферм будет увеличиваться. Кстати, в нашей стране накоплен определенный опыт. Напомним, сегодня более 70 рыбных хозяйств выращивают около 40 промысловых видов рыб. Так, благодаря работам человека в Каспии заметно выросли запасы красной рыбы, и вскоре в его водах можно будет ежегодно выплавлять примерно 500 тысяч центнеров рыбы. А искусственное разведение осетровых? Сейчас численность стада в Азовском море выросла в 10 раз, в Черном — в 4 раза. У советского Тихоокеанского побережья действует ферма по разведению морского деликатеса — гребешкового моллюска. Думаю, что в естественных условиях человек со временем научится выращивать и крупных морских млекопитающих — китов и других.

Что же касается районов открытого океана, то там искусственное повышение биологической продуктивности, видимо, надо начинать с первичной продукции — фитопланктона. То есть океан, как и земля, нуждается в искусственных удобрениях. Их можно себе представить в виде плавающих на поверхности воды медленно растворяющихся гранул с солями фосфора и азота. Повышение продуктивности фитопланктона можно успешно сочетать с разведением рыб типа анчоуса...

Сегодня хозяйство Мирового океана объединяет самых разных специалистов — химиков, биологов, математиков, инженеров, геологов. Возьмем, к примеру, такую научную область, как физика океана. Ученые расширяют исследования синоптической изменчивости океана, изучают его динамику — природу вихрей, циркуляцию водных масс, энергетические зоны... Все интенсивнее океан исследуется из космоса. В ближайшие 20 лет спутниковая океанология станет ведущим направлением в получении конкретных характеристик голубого континента, регистрация которых требует глобальности, оперативности и регулярности. Это температура, уровень океана, его теплые и холодные течения, морские волнения, химические и биологические свойства морской воды... Что это сулит народному хозяйству? Достаточно сказать, что, вероятно, уже к 2000 году будут разработаны модели вековых колебаний климата и появится возможность на научной основе строить долгосрочные прогнозы

погоды на месяц и даже на сезон. Будут проводиться расчеты колебаний климата на десятки и сотни лет — в нашей стране такие модели уже разрабатываются. Это весьма серьезные вопросы, от которых зависят многие области человеческой деятельности, скажем, решение сельскохозяйственных проблем. Ведь в сельском хозяйстве надо знать об изменениях количества атмосферных осадков и их распределении во времени: продуктивность сортов продовольственных культур в прямой зависимости от водобеспеченности.

— В свое время часто говорилось об искусственном изменении состояния Мирового океана для формирования определенного климата на планете. В частности, предлагалось растопление арктических льдов, покрытие океана задерживающей испарение пленкой, разведение тех или иных одноклеточных водорослей...

— Океан — важное, а в некоторых случаях и определяющее звено климатической системы. Но мы должны учитывать и другое — человечество пока не может сказать объективно: будет ли благоприятным или неблагоприятным искусственное изменение климата, оценить последствия пока что, думаю, невозможно. Так, мы пока мало знаем о влиянии морских льдов на климатическую систему. Любые проекты должны быть тщательно обдуманы и отвечать разумным потребностям людей.

— Относится ли это к сооружению подводных поселений — деревень, городов? Ведь до сих пор предсказываются создание или появление новой человеческой расы — «гомо аквакус», постоянно живущей на дне. Вспомним проекты известного французского исследователя Жака-Ива Кусто. Есть и другие варианты — «гомо дельфинус»...

— Не думаю, что морское дно станет местом жительства людей. Какая в этом необходимость? Земля прекрасна, и места на ней всем хватит. А подводные поселения целесообразны лишь для определенного, узкого круга специалистов. Для них гидрокосмос будет средой постоянной трудовой деятельности. Ведь подводные фермы, заводы, рыбные и китовые пастбища, нефтегазодобывающие платформы — как бы они ни были автоматизированы — потребуют рабочих рук, присутствия человека. Но здесь надо решить проблему длительного нахождения людей под водой при давлении до 100 атмосфер. Она разрешится. Уже сегодня человек в течение многих недель может проживать в гелиевокислородной атмосфере с давлением от 10 до 30 атмосфер. Это не предел. Напомним, что сегодняшний мировой рекорд равен 68,5 атмосферы. Ведутся опыты по созданию искусственных жабр-пленок, пропускающих кислород из воды...

Но переселение в океан больших групп людей, полагаю, все же состоится. Переселение на ... искусственные острова.

— Искусственные острова?

— Именно. Давайте порассуждаем. Скажем, что значит шторм? Из-за него рыболовные и другие суда не всегда могут подойти к берегу, чтобы укрыться, разгрузиться, заправиться. Это приносит огромные экономические убытки. Проблему как раз и могли бы решить плавучие искусственные острова, которые служили бы для кораблей убежищем. Остров — это своего рода плавучий город-порт, возведенный на огромной платформе, с населением 10—15 тысяч человек. Люди не только обслуживали бы рыболовные, пассажирские и транспортные суда, но и занимались бы разведением марикультуры, вели научную работу и, конечно, с комфортом отдыхали. Такой искусственный остров видится обычным портовым городком с кинотеатрами, магазинами, кафе, библиотеками... Специалисты уже предлагают проекты таких островов.

На территории СССР их целесообразно сооружать в Охотском, Беринговом морях... Они просто необходимы в Тихом, Индийском, Атлантическом океанах.

Проблему океанского транспорта можно параллельно решать и другим образом. Я уже говорил, что ежегодно тонут сотни судов. И среди них — гигантские супертанкеры, балкеры... Выход видится в создании транспортных подводных лодок. К примеру, подводный супертанкер длиной 200—300 метров мог бы заправляться из хранилища на дне океана нефтью, добытой из подводной скважины, и без особых проблем доставлял бы ее потребителю. Подводному кораблю не страшны сороковые ревущие широты, волны-убийцы. Так можно избежать не только экономических потерь, но и в определенной степени уменьшить загрязнение океана. Ведь вы знаете, что сейчас из-за различных аварий судов ежегодно в моря и океаны попадает до 10 миллионов тонн нефти! Не думайте, что это мелочь — капля в море! Ведь только одна тонна нефти может покрыть пленкой около 3,3 квадратного километра, а площадь водной поверхности нашей планеты 360 миллионов квадратных километров. Вот и считайте. Другой источник загрязнения — воды, которыми промывают танкер после перевозки нефти...

— И все же это только одна грань проблемы экологии Мирового океана. К сожалению, он страдает и от развития производительных сил, от сухопутной деятельности человека, деятельности, которая нередко граничит с безответственностью.

— Увы. Знаете, долгие годы господствовала такая точка зрения: мол, ничего страшного, если в акваторию Мирового океана сбрасывать канализационные и сточные воды, бытовые и промышленные отходы, полагали, что они растворятся со временем, разложатся. И сбросы не только увеличивались, но и «совершенствовались», то есть стали нести в себе биологически не разлагающиеся вещества. Они накапливались. Добавьте сюда свинец, содержащийся в выхлопных газах автомобилей, удобрения и ядохимикаты, применяющиеся в сельском хозяйстве, перекрытие рек... И только теперь поняли: надо что-то делать, что-то срочно предпринимать. А в некоторых случаях требуются и экстренные меры. Не секрет, что сейчас в Черном море наблюдается экологический кризис. Оно протухает, в определенных местах поднимается сероводород, поднимается и даже выходит на поверхность! В результате небдуманного рыболовства в Черном море появились огромные скопления медуз, гибнут дельфины...

— Где же выход? Демонтировать электростанции? Прекратить удобрять сельскохозяйственные угодья? Отказаться от транспорта?..

— К таким крайностям никто не призывает, да и научно-технический прогресс не повернуть вспять. Но надо заметить, что в практику сооружения гидротехнических объектов, обработки сельскохозяйственных площадей, содержания курортных зон, разумеется, надо вносить определенные коррективы. Это с одной стороны, а с другой — следует разрабатывать и внедрять методы использования эвтрофикации морских бассейнов: выращивания рыб, питающихся фитопланктоном, макроводорослей, бентосных организмов, которые являются биологическими фильтрами... Эти методы найдут свое применение прежде всего в наиболее загрязненных районах, таких, как Невская губа под Ленинградом, ряд участков Черного и Балтийского морей. Надо осознать до конца, что само будущее нашей цивилизации зависит от того, насколько хорошо мы изучим океан, насколько рационально будем распоряжаться его ресурсами, насколько грамотно будем вести хозяйство.

Беседу вел Сергей КАЛЕНИКИН.

Читайте в ближайших номерах:

Профессия — следователь. Фотоочерк о делегате XX съезда ВЛКСМ.

Открываем Институт молодежных проблем.

Пушкин и Жуковский. История дружбы.

Как дела, Госприемка?

Рассказ В. Рослякова.

Уэйн Гретцки. Хоккей и я.

Стихи Владимира Высоцкого.

Новая рубрика: Интимная жизнь молодых.

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Одним из важных художественных требований к шахматной задаче является красота решения. Она достигается замаскированным, трудно находимым первым ходом, эффектным жертвами или тихой (без шахов) игрой белых фигур, тонкими защитами черных. Особенно высокие требования предъявляются вступительному ходу. Как правило, первым ходом не должны объявляться шахи черному королю, уничтожаться черные фигуры и пешки, подготавливаться ответы на шахи белому королю при отсутствии ответов на них в начальной позиции, отниматься без соответствующей компенсации свободные поля возле черного короля. (Не будем забывать, что нет правил без исключений.) Наоборот, приветствуются вступительные ходы решения, предоставляющие большую свободу черному королю или подставляющие белого короля под неприятельские шахи.

Шестой тур

Белые: Крe5, Фb1, Кс8 (3)
Черные: Кра3, пп. b5, e6 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

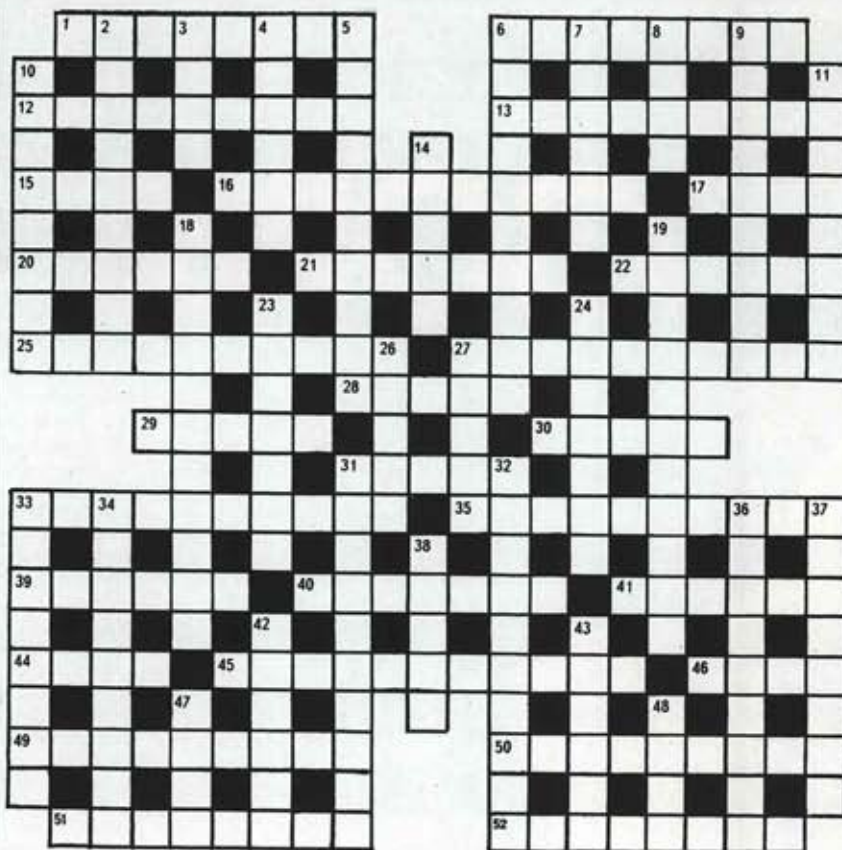
Белые: Крh6, Фb8, Лb7 (3)
Черные: Крh8, Фg8, Кс4, п. d7 (4)
Мат в 3 хода (3 балла)

Белые: Крb8, Фf1, Лb4 (3)
Черные: Крh3, Лg2, Ка3, п. g3 (4)
Мат в 4 хода (4 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов!) с пометкой: «29-я шахматная олимпиада. 6-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 15 июля.

КРОССВОРД

КОНКУРС КРОССВОРДИСТОВ

Второе задание

Предлагаем читателям сетку средней сложности. По ней каждый, кто хочет участвовать в конкурсе, должен составить кроссворд, ни в чем не отступая от правил, напечатанных в № 4 «Смены» за этот год. Прежде чем приступить к составлению, эти правила необходимо внимательно, пункт за пунктом изучить. К сожалению, делают так не все, если судить по предыдущему заданию.

Не все, например, знают, что такое имя собственное как грамматическая категория. Узнать это можно по энциклопедическому словарю «Русский язык» либо по другому лингвистическому изданию.

Особое внимание надо уделить интересному толкованию слов как самому важному элементу в работе над кроссвордом. Именно в поисках познавательных, занимательных, интригующих определений прежде всего проявляется творческое начало кроссвордиста. Именно здесь надо искать истоки, превращающие кроссворд из игры в школу знаний.

Суть задания: надо включить в кроссворд как можно больше таких слов, в которых «скрыты» другие слова. Вот слово «судоостроение». В нем «скрыты» слова: су (французская монета), суд, уд (древний арабский музыкальный инструмент), до (нота), ост, строение, троеение, роение, «Трое» (повесть М. Горького). Как видите, «скрытые» слова надо вычленять только в прямом порядке и только такие, какие не возбра-

няется загадывать в кроссворде (по тем же правилам в № 4 «Смены»). За каждое из первых пяти слов, «скрытых» в загаданном слове, читателю будет начислено одно очко, за каждое из остальных — два очка. То есть за слово «судоостроение» было бы начислено 5 плюс 8 (4 × 2) очков, то есть 13. Каждое вычлененное слово берут только в одном значении.

Домашнее задание оформляют как обычный кроссворд. Кроме того, на отдельном листе (листах) дают раскладку по каждому загаданному слову так, как мы сделали со словом «судоостроение». При этом простые вычлененные слова просто перечисляют, а после трудного и редкого в скобках дают краткое толкование и его источник. В конце проставляют сумму очков за слово.

На листе с проверочной сеткой (то есть заполненной словами) надо крупной цифрой проставить общее число набранных очков.

Одна или две лучшие работы будут опубликованы в «Смене». Авторы пяти лучших работ получат право напечатать вне очереди в журнале обычный кроссворд. Они, а также еще пятеро победителей будут награждены книгами и дипломами. В адреса других десяти победителей редакция вышлет дипломы.

Последний срок отсылки домашнего задания — 5 августа. На конверте пометьте: конкурс кроссвордистов-87, 2-е задание.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

7. Кордова. 8. Лауреат. 11. Атмосфера. 12. Прокопав. 15. Урман. 16. Тектоника. 17. Элара. 20. Барибал. 21. Дойра. 22. Смальта. 25. Севастопольцы. 26. Одноплеменник. 31. Корелли. 32. Осетр. 33. Гурилев. 36. Стриж. 37. Правдинск. 38. Пожар. 41. Аристофан. 42. Мухоловка. 43. Цигейка. 44. Равелин.

По вертикали:

1. Волосатик. 2. «Юдифь». 3. Квартет. 4. Фабрика. 5. Брасс. 6. Параллель. 9. Штурман. 10. Доброта. 13. Строительство. 14. Антропометрия. 18. Календула. 19. Шмуктитул. 23. Замок. 24. «Елена». 27. ...восторг. 28. Белинский. 29. Цитология. 30. Чесанки. 34. Ярмарка. 35. Истукан... 39. Хорей. 40. Номер.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 11 (1441)

июнь 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:

Валерий ВИНОКУРОВ

Борис ДАНЮШЕВСКИЙ

(ответственный секретарь)

Владимир ДЕСЯТЕРИК

Михаил КИЗИЛОВ

(заместитель главного редактора)

Александр КУЛЕШОВ

Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Евгений РЯБЧИКОВ

Вадим САЮШЕВ

Виталий СЕВАСТЬЯНОВ

Владислав СЕРИКОВ

Игорь СЕРКОВ

(заместитель главного редактора)

Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник

Геннадий КОРНЫШЕВ

Технический редактор

Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отделы:
212-21-59 — рабочей молодежи и науки,
250-29-39 — коммунистического воспитания,
251-32-84 — фотоочерка,
212-21-38 — военно-спортивный,
212-13-19 — международной жизни,
251-04-10 — литературы и искусства,
212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакцией не рассматриваются.

© Издательство «Правда».
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 20.04.87.
Подписано к печати 04.05.87.
А 05074. Формат 70 × 108 1/8.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60.
Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 1239. Заказ № 569.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»,
125865, ГСП, Москва, А-137
улица «Правды», 24.

РУКОТВОРНЫЕ УЗОРЫ

Лидия ОРЛОВА,
главный редактор
«Журнала мод».

Фото
Эдуарда КРАСТОШЕВСКОГО

С тучат коклюшки, мелькают пальцы — и вот уже виден сказочный узор, на глазах рождается чудо...

Кружевоплетение. Один из уникальнейших русских народных промыслов. Пользующийся всемирной известностью, сегодня он, как это ни печально, сталкивается с большими трудностями. В торговле скопились немалые запасы нереализуемых кружев, а вологодском объединении «Снежинка» предполагается «сокращение» более двух тысяч мастериц, но парадоксальная ситуация: когда в прошлом году художники Всероссийского центра моды показали в Париже коллекцию с использованием вологодских кружев, эти вещи имели там невероятный успех. И не получится ли так, что мода на кружево, как это уже было с русскими сапожками, придет к нам из-за границы?

Уникальный промысел нужно спасти, потому что, потеряв, вернуть из забвения его будет уже невозможно. Ремесло это трудное, передается от поколения к поколению и без преемственности обречено на гибель. А ведь это часть отечественной культуры, и горько будет, если потомки смогут увидеть дивный узор только в музее.

Аксиома: товар нуждается в умелой торговле (многим ли, например, известно, что в Вологде выпускается кружево трехсот видов?) и в умелом использовании художниками-модельерами. Жестко нарисованный силуэт с подчеркнутой и сильно расширенной линией плеч делает женщину излишне мужественной, не правда ли? Но как изменяется образ, стоит внести в эти геометрически четкие линии ломаные изгибы кружева! Сохраняется острота силуэта, но одновременно смягчается образ. Кружево — в виде «штучных» мотивов, вставок и замысловатых жабо — располагают ближе к лицу. Белая отделка очень эффектно выглядит на платьях черного цвета.

Кружевной шарф, повязанный снаружи, под воротник и лацканы брючного костюма, превращает его в одежду выходную, праздничную, а необычность такого решения создает ощущение остроты моды — то, что мы называем авангардом. Но даже и в тех случаях, когда платье или костюм выполнены из ярких набивных тканей, кружево не оказывается лишним.

Кружево ручной работы стоит недешево, и по этой причине мы нередко отказываемся от него. Хотя, случается, готовы переплачивать за другие — стандартные, но дефицитные вещи. А ведь кружево — такое, как вологодское, — живет долго. И не только потому, что льняные нитки прочны, а кружевницы отлично знают свое ремесло. Одно и то же кружево — вставка, воротник, пышное жабо — может украшать разные вещи вашего гардероба. И чем неожиданнее будет придуманный вариант, тем современнее будет казаться найденное решение.